

ВИКТОР ГЛЕБОВ

ДЫХАНИЕ ЗЛА

СЕРИЙНЫЙ ОТДЕЛ

ДЕТЕКТИВ НЕ ДЛЯ
СЛАБОНЕРВНЫХ

18+

ЖЕСТЬ

Серийный отдел. Детектив не для слаонервных

Виктор Глебов

Дыхание зла

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Глебов В.

Дыхание зла / В. Глебов — «Эксмо», 2015 — (Серийный отдел.
Детектив не для слабонервных)

Преступник использовал один из самых жестоких, диких и варварских способов убийства, поэтично названный «красным тюльпаном». У жертвы надрезается кожа вокруг пояса, а затем снимается через голову, как футболка. Два изуродованных таким образом трупа были подброшены к памятникам Петру Первому и Екатерине Великой. Под первым трупом лежала шахматная фигура черного коня, под вторым – фигура ферзя. А свидетели показали, что преступник был в маске кролика. Следователю Валерию Самсонову предстоит выяснить, с кем он имеет дело – с серийным маньяком или же с умным и хитрым преступником, который таким изуверским способом передает некое зашифрованное послание...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Глебов В., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	31
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Виктор Глебов

Дыхание зла

А кто неправо поступит, тот получит по своей неправде...
Кол. 3:25

© Ежов М., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

Глава 1

Красные тюльпаны

Старший следователь «Серийного отдела» Санкт-Петербурга Валерий Самсонов остановил машину возле похожего на серую коробку здания с тусклым фонарем над входом. Неподалеку он заметил зеленую «Шкоду» медика-криминалиста – значит, Полтавин уже здесь и, вероятно, приступил к работе.

Самсонов выключил проигрыватель, и звуки песни «Show me the way» группы «Cranberries» исчезли из салона автомобиля. Полицейский всегда слушал музыку за рулем. Он привык к этому давно и нажимал кнопку воспроизведения автоматически, едва захлопнув дверь машины.

Старший лейтенант не торопясь запер автомобиль и поправил кобуру под курткой. Он терпеть не мог оружия, а тяжелый пистолет вдобавок оттягивал плечо, но что поделать: если ловишь серийных убийц, нужно быть готовым ко всему.

Немного потоптавшись и поглядев по сторонам, полицейский направился к двери. Он ненавидел визиты в лабораторию, где приходилось разглядывать мертвецов и выслушивать комментарии Полтавина, который, казалось, чувствовал себя в прозекторской как рыба в воде. Впрочем, при его работе в этом не было ничего удивительного: ко всему поневоле привыкнешь, если с утра до вечера режешь трупы. А Самсонов знал, что Полтавин параллельно с работой в «Серийном отделе» преподает судебную медицину, так что практики у него хватало.

Конечно, у Самсонова не было необходимости посещать морг. Туда можно было отправить кого-нибудь из оперов, и они бы отлично справились – в этом Самсонов не сомневался. Его должность старшего следователя предполагала кабинетную работу, но он терпеть не мог просто распределять обязанности между своими сотрудниками. Ему нужно было принимать в расследовании деятельное участие – поэтому Самсонов всегда работал «на земле». Любил, как он сам выражался, держать руку на пульсе. И хотя его начальник Башметов время от времени укорял Самсонова за то, что его почти никогда нет на месте, старший лейтенант знал, что это так, для виду. На самом деле Башметов считал, что каждый должен работать так, как ему удобно – тогда и раскрываемость будет выше, и люди здоровее.

Впрочем, однажды, около полугода назад, начальник решил провести серьезную разъяснительную беседу с подчиненным. Вызвал к себе и принялся распекал за то, что тот не сидит на месте, ведет себя не соответствующим должности образом.

– Ты же, Валера, старший следователь, – говорил Башметов, привычно попыхивая сигаркой. – Твое дело – сидеть в центре паутины и дергать за ниточки. А потом, когда все материалы будут собраны, накинуть сеть на преступника.

– Павел Петрович, – ответил Самсонов с легкой досадой, – вот когда я растолстею, как Ниро Вульф, тогда буду сидеть за столом, выслушивать доклады и строить на их основе умозаключения. А в перерывах поливать орхидеи. Пока же позвольте мне делать так, как я считаю нужным. Раскрываемость же не страдает, верно?

Башметов поспорил-поспорил, да и позволил. Видно, решил, что старую собаку новым трюкам не научишь.

Этот разговор почему-то вспомнился Самсонову, пока он поднимался на крыльцо морга. «А и правда, сидел бы сейчас в управлении и чаек попивал!» – подумал он с усмешкой и толкнул дверь.

Самсонов вошел в хорошо освещенное помещение, служившее холлом. Пахло спиртом и хлоркой, белые кафельные стены сверкали чистотой.

Возле кулера сидел Полтавин собственной персоной и по своему обыкновению хрустел диетическим хлебцем, меланхолично роняя крошки себе на колени. При виде Самсонова он машинально поправил очки в толстой черной оправе и встал. Сунув остаток хлебца в карман, он шагнул полицейскому навстречу и протянул широкую ладонь.

– Здорово, – кивнул Самсонов, отвечая на рукопожатие. – Еще не приступал?

– Приступал, приступал. – Полтавин почесал кончик мясистого носа и глубоко вздохнул. – Перерывчик у меня. Трапезничаю. А ты, я смотрю, опять лично приперся.

– Приперся, – кивнул Самсонов. – Как всегда. Тебя это до сих пор удивляет?

– Знаешь, когда мы ловили Козерога, я понимал, почему ты везде носишься сам, у тебя был личный интерес, но потом... – Полтавин пожал плечами. – Не надоело еще?

Самсонов стоял, машинально разминая пальцами левое плечо. Почти каждый раз во время сна оно затекало и потом полдня болело, а старший лейтенант сегодня утром не успел сделать обычные для себя упражнения – только принял контрастный душ – и полетел на работу. То бишь сюда.

– Не надоело, – ответил Самсонов спокойно. – Люблю свежий воздух.

– Ну, тогда ты вообще не туда пришел, – усмехнулся криминалист. – Ладно, раз уж ты здесь, давай покажу тебе нашего клиента.

– Башметов сказал, там что-то невообразимое? – полувопросительно проговорил Самсонов.

– Угу, – Полтавин сделал кислую физиономию и почесал кончиком указательного пальца переносицу. – Я, по крайней мере, такого еще не видел.

– Ладно, не томи. Пойдем уже поглядим.

Криминалист сделал приглашающий жест рукой, и они вошли в соседнее помещение. Здесь свет горел только над стальным столом в центре комнаты, и сейчас он выхватывал одинокую фигуру, с головой укрытую зеленой простыней.

– Угощайся, – Полтавин протянул Самсонову крошечную баночку с ментоловой мазью.

Самсонов привычным движением сделал два мазка под носом и направился к столу. Он старался не смотреть на контуры тела, хотя и знал, что увидеть то, что пока скрыто от глаз, придется – для того он сюда и приехал.

Криминалист обошел стол справа и взялся за край простыни.

– Я начал обследование, – сказал он, – однако в моем распоряжении только один труп. Второй уже осмотрели и отдали на бальзамирование. Три недели прошло все-таки. Но все материалы мне переслали, – Полтавин указал на лежавшую рядом со столом папку. – Конечно, лучше бы поработать с обоими телами, но вскрытие первого трупа производил мой коллега, я его хорошо знаю, он меня заверил, что ничего не упустил. В принципе, думаю, можно уже сейчас с уверенностью говорить о почерке убийцы.

– То есть точно серия? – спросил Самсонов, стараясь сосредоточить взгляд на блестящих тоннелях в ушах Полтавина.

– Без сомнения, – кивнул криминалист и принялся не торопясь сворачивать простыню от головы к ногам. Он делал это такими точными, скупыми, аккуратными движениями, что сразу становилось ясно: человек занимается мертвецами не первый год.

Самсонов перевел взгляд на труп и остолбенел, будучи не в силах даже моргнуть. На какой-то миг ему показалось, что он попал на выставку адских скульптур Марка Пауэлла.

Мужчина, лежавший на столе, был словно разделен пополам – нижняя его часть еще хоть чем-то напоминала человеческое тело, но выше пояса все представляло собой алое сочащееся пособие анатомического театра, ибо убийца аккуратно снял кожу, начиная с затылка. Она была скатана до уровня бедер и свисала наподобие чудовищной юбки.

Связки, жилы, мышечные волокна – все лоснилось от лимфы и крови под ярким и беспощадным светом хирургических софитов, расположенных над столом. Лишенные век глаза

– два белесых шарика с красными прожилками сосудов – смотрели вверх с выражением бесконечного ужаса. Губ не было, и зубы в застывшем оскале белели на багровом фоне резким контрастом.

– Инквизиция отдыхает, да? – прокомментировал Полтавин, выждав минуту. – Жертву накачали морфием, чтобы не умерла от болевого шока во время сдирания кожи. Потом, когда действие наркотика закончилось, произошел разрыв сердца. На запястьях следы веревки – думаю, во время процедуры жертву подвешивали за руки. И сразу скажу: кожа снята профессионально. Не знаю, какими инструментами пользовался убийца, но надрезы очень ровные. Думаю, они сделаны хирургическим скальпелем или очень острым ножом. И убийца явно снимал кожу не второй раз в жизни. Да и с первым телом дело обстоит так же. Не скажу, что у кого-то рука набита, но практика точно имелась.

– Охотник? – сглотнув подступивший ком, проговорил Самсонов. Он видел тела в гораздо худшем состоянии, тела, буквально побывавшие в мясорубке, но это не значило, что он научился оставаться равнодушным к виду крови. Так же, как и к человеческой жестокости.

– Не знаю, – сказал Полтавин. – Необязательно. Шкуродер, например. Чучельник. Список профессий сам составляй, это не мое дело.

– А что... то есть почему столько порезов? – старший лейтенант указал на грудь и живот жертвы, буквально исполосованные во всевозможных направлениях. – Чем это его так?

– Вот тут-то и начинается самое любопытное, – хмыкнул Полтавин, натягивая латексные перчатки. – Это не порезы!

– А что тогда?

– Разрывы. Видишь, края неровные? От лезвия не так получается. К тому же их тут по меньшей мере полсотни, и все разного размера.

– Разрывы? – переспросил Самсонов. – Не понимаю.

– Объясню, – с готовностью кивнул Полтавин. – Убийца не поленился и проделал довольно долгую операцию после того, как жертва умерла от болевого шока. Вначале он слил почти всю кровь – оставил около литра – а затем закачал воду. Думаю, он пользовался насосом для заполнения артерий формальдегидом – это может тебе помочь, кстати.

– Думаешь, убийца работает в похоронном бюро?

– Ну, во всяком случае, такие приборы не продаются на каждом шагу, и их не покупают для домашнего пользования, верно?

Самсонов кивнул.

– Это точно. Отследить подобные покупки нетрудно.

– Убийца вводил катетеры туда, куда нужно, так что либо он имел дело с бальзамированием трупов, а значит, работал в ритуальных услугах, либо прочитал об этом в Интернете, но получилось в любом случае у него отлично. Очень профессионально, я хочу сказать. Так что лично я уверен, что он практиковался. Это тоже неплохо для расследования, верно?

– Да, это просто подарок, – согласился Самсонов. – Но откуда разрывы-то?

– А вот это самое интересное. После закачки воды убийца поместил труп в холодильник. Я подчеркиваю, что это был именно холодильник или морозильная камера, а не фреон или азот, например, потому что это точно можно определить по состоянию кожных покровов. Словом, вода замерзла и разорвала вены, артерии, сосуды и капилляры – так же, как зимой иногда лопаются трубы системы отопления. Поэтому наш труп похож на трухлявый пень. Смотри. – Полтавин взял какой-то стальной инструмент и надавил одним его концом на грудь жертвы. Мышцы легко и глубоко просели, выступила кровь и собралась в углублении алой лужицей.

– Почему кровь до сих пор не свернулась? – спросил, борясь с отвращением, Самсонов.

– Убийца добавил в воду специальный реагент, препятствующий сворачиванию. Думаю, название и формула тебе ничего не скажут, но в отчете я все укажу. Его тоже не каждый день покупают – может, удастся отследить.

– Зачем ему это понадобилось?

Полтавин пожал плечами.

– На мой взгляд, для эффектности. Убийца просто хотел, чтобы труп сочился кровью, когда его найдут.

Самсонов согласно кивнул.

– Поэтому он слил не всю кровь, – сказал он. – И долго он так будет?

– Даже не знаю. Может быть, еще несколько часов.

– А зачем надо было менять кровь на воду? Разве при заморозке кровь не разорвала бы сосуды так же, как вода?

– Разорвала бы, но не так эффектно. Все дело в составе. Вода расширяется сильнее. Думаю, убийца поэкспериментировал с животными, прежде чем браться за людей.

– А это что? – Самсонов указал на зияющую в правом бедре широкую рану, похожую на кривую ухмылку. Обрывки артерий и сухожилий свисали подобнодохлым червям.

– Удалена часть бедренной кости, – ответил Полтавин, обходя стол. Он раздвинул специальными щипцами края раны, и из нее хлынула кровь. – Видишь, концы кости раздроблены? Думаю, убийца использовал большие кусачки вроде тех, которыми режут кабель. Я взял пробы на случай, если на лезвии что-то было – машинное масло или грязь, например. Анализы будут готовы позже. Убийца забрал кость с собой – так же, как и у первой жертвы, вырезано около двадцати сантиметров самой широкой части.

– Зачем она могла ему понадобиться?

– Не имею представления, – пожал плечами криминалист. – И, слава богу, это не моя забота. Вы, парни, расследуете, а я только режу и в микроскоп смотрю.

– Да это я так – мысли вслух, – отмахнулся Самсонов. В голове у него уже составлялся список ближайших дел – действий, которые необходимо будет предпринять в начале расследования. – Что еще? – спросил он жадно.

– Слитую кровь убийца тоже, видимо, забрал в виде трофея. Ну, или вылил куда-нибудь. Во всяком случае, там, где тела обнаружены, ее не было.

– Башметов сказал что-то про шахматы.

Полтавин кивнул:

– Ах да! Вот они. – Он достал из картонной коробки и протянул Самсонову две черные фигурки в пластиковом пакете. – Отдать пока не могу – еще не все анализы сделаны – но полюбуясь, если хочешь.

Самсонов держал в руках две шахматные фигуры – коня и ферзя.

– Коня нашли под первым телом, ферзя – под вторым, – пояснил Полтавин. – Обычные пластмассовые шахматы из набора. Отпечатков нет, сразу скажу.

– Второе тело опознали? – спросил Самсонов, возвращая шахматы.

Криминалист уложил их обратно в коробку, затем открыл папку и секунд десять читал. Потом повернулся к следователю:

– Опознали, да. У жертв есть, кстати, кое-что общее. Первого убитого звали Роман Бончовска, 38 лет, бывший гражданин Болгарии, с 2011 года – эмигрант. Второго – Богдан Йорг, 41 год, бывший гражданин Молдавии, с 2012 года – эмигрант.

– Гастарбайтеры?

– Нет, не сказал бы. Бончовска работал инструктором по альпинизму в одном спортклубе, а Йорг – водителем в службе доставки. На частичной занятости. Чем в остальное время занимался, неизвестно.

– Ясно. Что еще?

– Пока ничего. Постараюсь окончательный отчет составить к вечеру.

Самсонов кивнул.

– Ладно, как будет готов, перешли мне.

– Само собой.

– Ну и, если вдруг обнаружишь что-нибудь... этакое, то звони.

– Позвоню, Валера, не сомневайся. Не хочешь помочь мне вскрыть грудную клетку? В первом трупе ничего не нашли, но ты же знаешь правила: осматривать все. Надо сделать Y-образный надрез вот отсюда до...

– Очень смешно! – оборвал криминалиста Самсонов. – Мне пора.

– Ладно, как хочешь! – усмехнулся Полтавин, беря в руку скальпель. – Будет скучно, заходи. Кстати, ты мне должен два косаря. Когда отдашь?

– Потом. – Самсонов смущенно кашлянул. – Сейчас нет с собой.

– Ты еще на той неделе обещал! – недовольно буркнул криминалист. – Знаешь, как говорят: долг платежом красен.

– Знаю, знаю. На днях отдам, зуб даю.

– Лучше деньги.

Самсонов вышел из лаборатории с чувством облегчения. Не только потому, что выбрался из царства мертвых, но и потому, что напоминание Полтавина о проигранных в покер деньгах было ему неприятно. Конечно, скоро он получит зарплату и рассчитается, и все же ему не хотелось, чтобы патологоанатом решил, будто он увиливает.

Прислонившись к машине, Самсонов подышал свежим весенним воздухом, наполненным влагой. Затем достал мобильник и набрал номер матери. Последний раз они разговаривали два дня назад, и тогда он узнал, что отец в больнице. Врачи отмалчивались, но было ясно, что осталось ему немного. Рак обнаружили слишком поздно: отец до последнего не хотел обследоваться. И вот он умирал.

Голос матери был спокойным, как всегда. Она привыкла стойко сносить удары судьбы – так она говорила. Самсонов видел ее плачущей только раз – когда умерла его сестра. С тех пор, казалось, мать стала еще сильнее. Но что творилось в ее душе? Это знали только она и Бог.

– Как папа? – проговорил Самсонов, глядя на верхушки тополей. Среди ветвей свили гнезда вороны, и ветер раскачивал их как гигантские метрономы. Время шло неумолимо, сокращая жизнь людей, не замечающих этого до тех пор, пока смерть не замаячит у самого порога.

– Без изменений, – ответила мать, повторяя фразу врачей. – Ты приедешь к нему?

– Как только смогу. Сейчас появилось новое дело.

– Понятно, – в голосе не было осуждения. Просто констатация.

– Я постараюсь вырваться.

– Он сейчас без сознания. Спешки нет.

– Ладно.

– Позвони, когда соберешься.

– Конечно.

Они помолчали. Было много недосказанного, но ни один из них не решался облечь чувства и мысли в слова.

– Тебе что-нибудь нужно? – спросил Самсонов.

– Нет. Ну, ладно, счастливо. Мне надо идти, а то греча подгорит.

Самсонов с облегчением закончил разговор. Они не обсуждали то, что отец обречен, но молчать об этом было тоже нелегко.

Отсоединившись, Самсонов сразу набрал своего помощника, младшего следователя Дремина.

– Да, Валера? – почти сразу отозвался тот. – Как дела?

– Приеду – расскажу. – Среди своих коллег, в мире преступлений и полицейских, Самсонов чувствовал себя уверенно и спокойно: здесь все подчинялось правилам, и даже неожиданности входили в число чего-то... ожидаемого. На работе Самсонов ощущал, что мир не

рушится, не разваливается на куски, раздираемый неизвестными силами. Главное – выслеживать и уничтожать зло, которое лезет отовсюду подобно ядовитой плесени. – Что удалось выяснить про убитых?

– Ну, про Бончовска довольно много, все-таки три недели назад начали расследование, материалы в наш отдел передали, а вот про Йорга пока что разузнали немного. Но я получил ордер на обыск, так что скоро отправимся на квартиры. Думаю, тогда узнаем побольше.

– Хорошо. Ищите, что может быть у жертв общего.

– Ясное дело. Не впервой.

– Ладно, а как насчет камер наблюдения? Зафиксировали что-нибудь?

– Все зафиксировали. Еще бы, тела-то оставлены были в таких местах, что странно даже...

– Давай ближе к делу, – прервал коллегу Самсонов.

– Пардон, шеф. Сию секунду. Значит, так: первое тело убийца привез на белом «Мицубиси», номера не разобрать – похоже, нарочно заляпан грязью. Труп Бончовска он оставил возле Медного всадника. Вторую жертву убийца привез к памятнику Екатерине Великой на черной «Волге». С номерами та же история. В обоих случаях убийца был в карнавальной маске зайца. Одежда темная, объемная, без надписей и логотипов. Выгрузив тела, уезжал на тех же автомобилях, на которых приезжал. Вот и все. Полтавин обещал выслать своих архаровцев осмотреть место у памятника Екатерине, хотя там уже поработала местная бригада экспертов. Они ему переслали все материалы. Но ты же знаешь, он любит все сам окинуть орлиным оком.

– Знаю, знаю. – Самсонов сел в машину, поправил зеркало заднего вида. Из него на старшего следователя взглянул человек лет тридцати пяти, с ежиком светло-русых волос, серыми глазами и тяжелым, плохо выбритым второпях подбородком. – Дай мне адрес Йорга, я подъеду к вам на обыск.

– Записывай.

* * *

Сарко сидел в темноте. Свет во всей комнате был погашен, и даже шторы тщательно задернуты, чтобы ни единый луч солнца не проник в обитель воспоминаний. Этот воображаемый зал из стекла и белоснежного мрамора был единственной святыней Сарко, тщательно оберегаемой от внешнего мира. Здесь он проводил свободное время, вышагивая по черным и белым плитам, в шахматном порядке покрывавшим пол. Здесь играла музыка – вальсы Шопена, симфонии Моцарта, детские песенки, которые когда-то звучали на проигрывателе пластинок. Сарко помнил все слова каждой из них. Он мог включать и выключать их всего лишь силой мысли, но сейчас его не интересовали мелодии. Он не собирался оставаться в этом зале, не собирался встречаться с Принцессой. У него были другие дела.

Глаза у Сарко были плотно закрыты, на лице не наблюдалось ни малейшего движения, потому что он был не здесь, в душевной комнате, а далеко в прошлом, которое так прочно вросло в его сознание, что постепенно стало и настоящим, и даже будущим. Вообще Сарко надеялся, что рано или поздно оно превратится в вечность.

В центре зала находился огромный аквариум цилиндрической формы. Он был метра два в диаметре и метров семь в высоту. Внутри этого «стакана» кружились фиолетовые и пурпурные рыбки с тонкими, почти прозрачными плавниками, похожими на вуаль. Сарко не знал названия этих рыбок, он просто видел их много лет назад, запомнил и поместил сюда. Принцессе они нравились. Много лет назад у нее были такие же – в круглом аквариуме с керамическим гротом на дне. Теперь в «стакане» их было не меньше полусотни.

В святилище имелись и другие помещения. В голове Сарко хранил образы, которым не было места здесь, в шахматном зале. Они осквернили бы его, и поэтому держать их приходилось внизу, в подвале.

Сарко спустился на скоростном лифте метров на пятьдесят вглубь и оказался в мрачном подземелье – именно таком, какие показывают в фильмах ужасов. Здесь было сыро, пол выстилали плиты из грубого выщербленного гранита, а тусклый свет давали электрические лампочки в проволочных колпаках, вокруг которых вились бледные мотыльки.

Сарко шел по каменному полу, и его шаги гулко разносились под низкими сводами подвала. Впереди виднелись тяжелые люки, запертые мощными засовами. Оттуда, из недр узких скользких колодцев, доносились вопли. Страдание! Это единственное слово, которое могло бы верно описать причину этих криков.

Люки не были одинаковыми. Большая часть из них существовала для того, чтобы никогда не открываться, чтобы только сдерживать воспоминания, которые Сарко предпочел бы уничтожить, но его мозг упорно отказывался стереть их.

Но люки, к которым направлялся Сарко теперь, располагались отдельно. Крышки некоторых из них были откинuty: эти узилища ждали своего часа. Здесь, в подвале, пахло аммиаком и плесенью, кровью и экскрементами.

Сарко приблизился к первому запертому люку. Через отверстия в тяжелой крышке доносились вопли мужчины, с которого живьем содрали кожу. Подвешенный к крюку, он весь сочился, истекал жидкостями, блестел и вонял. Сарко представил, что крышка люка становится прозрачной и отступил на пару шагов, чтобы полюбоваться своей работой.

Вышло совсем неплохо. Может быть, не так идеально, как у набивших руку мастеров святой инквизиции, но человек страдал – это очевидно. Для Сарко этого было вполне достаточно. Он стоял, наблюдая за муками своей жертвы, чтобы убедиться, что боль достаточно сильна. Он даже готов был испытать ее на несколько секунд, чтобы убедиться, что человек получил сполна. Но разве есть на свете казнь, справедливая для него? Сарко был убежден, что нет. Он вдруг понял, что по его лицу катятся слезы. Это оттого, что никакая боль не сможет удовлетворить ненависть Сарко. Она сжигает его год за годом, и в душе его – черное пепелище! А когда-то там росли цветы. Целый сад говорящих цветов, с песчаными тропинками и зеркальным прудом с черными утками и белыми лебедями. Принцесса обожала бросать им крошки хлеба, следя, чтобы досталось каждому, даже самому нерешительному.

Душа рвалась из колодца, она хотела улететь из мрачного подвала, где была обречена на вечные муки. Сарко не собирался позволить ей этого. Он не испытывал ни малейшей жалости к этому человеку. Он освежевал бы его снова и снова, если бы мог. Но, к сожалению, умирают лишь однажды.

Сарко наклонился и отодвинул засов. С трудом откинув люк, он ухватил рванувшуюся вверх по колодцу душу за длинный окровавленный хвост, а другой рукой достал из кармана небольшую белую коробочку. Сарко раскрыл ее, поднес бьющуюся с пронзительными воплями душу к своему рту и дыхнул на нее. Воздух был ледяным и сразу заморозил душу, сделав ее неподвижной. Сарко аккуратно уложил ее на атласную подушечку внутри коробочки. Затем перевязал подарок красной ленточкой и сделал пышный бант. Придирчиво осмотрел и, удовлетворенный результатом, неторопливо вернулся к лифту, чтобы подняться в мраморный зал. Здесь он оставит коробочку для Принцессы. Она придет, когда он покинет святилище, потому что сегодня Сарко не чувствует себя в силах встретиться с ней. Может быть, завтра он будет готов, и тогда она расскажет, понравился ли ей сюрприз.

Сарко зашагал по направлению к аквариуму, думая о том, что белая коробочка будет отлично смотреться на черной плите.

* * *

Самсонов сидел на подоконнике и наблюдал за тем, как сотрудники «Серийного отдела» переворачивают все в квартире Богдана Йорга вверх дном. Справа от него примостился Морозов. Он недавно закончил курсы программистов в рамках повышения квалификации и теперь, обложившись дисками со специальными программами, пытался взломать ноутбук убитого. Перед рыжим опером лежали карманная пепельница и пачка сигарет, однако, увлеченный процессом, он так ни разу и не закурил.

К Самсонову вразвалку подошел брюнет в кожаной мотоциклетной куртке и потертых джинсах – Дремин. Тонкие усики делали его похожим на испанского гранда. Сам он, впрочем, был убежден, что смахивает на Антонио Бандераса, по которому сходила с ума его жена.

– Мы почти закончили, – сказал он, садясь на подоконник. – Я начал составлять список найденных вещей, чтобы сличить со списком из квартиры Бончовска.

– Есть что-нибудь интересное насчет Йорга?

Дремин пожал плечами, скрипнув кожей куртки.

– Даже не знаю. Кое-что кажется странным, но мало ли...

– Выкладывай.

– Никаких фотографий. Я имею в виду семейные снимки.

– Может, они остались у него на родине.

– А фотоотчеты с пикников и праздников? У каждого человека они есть. Я лично просмотрел его фотоаппарат – ничего подобного.

– Возможно, он скидывал фотки на компьютер. – Самсонов кивнул в сторону Морозова. – Подождем, что он нарвет. Тебе, кстати, еще долго? – окликнул он опера.

– Думаю, не больше часа, – отозвался тот. – У него тут специальная защита зачем-то стоит.

– Зачем курьеру специальная защита?

– Без понятия. Тем интереснее узнать, что у него на жестком диске.

– Что еще скажешь? – Повернулся Самсонов к Дремину.

– Помимо фоток, отсутствуют молдавские документы.

– В смысле?

– В прямом. Есть только те, что были выданы в России. Но ни молдавского паспорта, ни трудовой книжки, ни ИНН, ни страхового свидетельства. Куда он их дел? Не выбросил же.

– Вообще ничего?

– Нет, пусто. Парень словно появился в России из ниоткуда.

– Дай-ка мне его паспорт.

– Сейчас принесу.

Через минуту Самсонов разглядывал российский паспорт Богдана Йорга, эмигранта из Молдавии.

– Знаешь что, – проговорил он спустя пару минут, – отдай-ка ты эту ксиву на экспертизу.

– Думаешь, подделка? – удивился Дремин, поднося паспорт к глазам. – Выглядит как настоящий.

– И все же отправь.

– Ок, сделаю.

– А документы Бончовска проверяли?

– Вряд ли.

– Отправь и их.

– Конечно.

– И вообще надо выяснить, есть ли у него свидетельства пребывания в Болгарии. Или он тоже неизвестно откуда взялся.

Дремин кивнул.

– Мобильник Йорга посмотрел?

– Телефон, как и одежда, был оставлен убийцей возле тела. Еще не дошли до него руки. Остался в управлении.

– Сравни с телефоном Бончовска. Может, они были знакомы или имели общие контакты.

– Валер, ты обещал рассказать, как выглядят трупы.

– А, да, – нехотя кивнул Самсонов. – Кожа содрана от затылка до пояса, висит на бедрах лохмотьями. Потом убийца выкачал кровь и залил вместо нее воду. Заморозил тела, чтобы вода расширилась и разорвала сосуды.

Дремин присвистнул.

– «Красный тюльпан», значит, – проговорил он задумчиво.

– Что? – не понял Самсонов. – Какой еще тюльпан?

– Ну, это ведь так называется. Когда кожу сдирают с торса. Древняя пытка, довольно известная. Кажется, в Афганистане несколько случаев были зафиксированы во время войны.

– Seriously? «Красный тюльпан» называется?

– Ну да.

– Там еще шахматные фигурки были. Слон и ферзь. Что на этот счет скажешь?

– Понятия не имею, – Дремин машинально пригладил усики указательным пальцем. – Может, какой-то псих решил в шахматы поиграть?

– С кем?

– Откуда мне знать?

– Он, похоже, еще и с памятниками как-то все это связал. Конь – Медный всадник, ферзь, то бишь королева, – Екатерина Вторая.

– Меня больше его маска зайчика интересует, – ответил Дремин. – Что это за детский сад? И как она связана с шахматами, памятниками, «красным тюльпаном» и заморозкой трупов?

– Кстати, убийца еще часть бедренной кости вырезает. Похоже, в качестве трофея.

– Seriously? – Дремин нахмурился. – По-моему, я где-то об этом читал.

– Давай вспоминай.

– Погоди, погоди, Валера. Не торопи. – Дремин потер виски кончиками пальцев. – Нет, – сказал он через минуту. – Не могу. Но я поищу в Интернете. Уверен, что встречал нечто подобное.

– Ладно. Я поеду в управу, надо ознакомиться с материалами по первому убийству, а вы тут заканчивайте и присоединяйтесь. Будем искать точки соприкосновения в этих двух убийствах.

Дремин молча кивнул.

* * *

Самсонов заехал пообедать и выпить черного кофе в «Беллерофонт» – в этом заведении заваривали именно такой крепкий, как он любил. Потом он отправился в управление, где первым делом зашел в кабинет начальника, Павла Петровича Башметова. Тот сидел в кресле, втиснув свое объемное тело между подлокотниками, и постукивал незажженной сигарой по столу.

– А, Валера, заходи, – кивнул он при виде старшего следователя. – Как дела?

– Да никак, Пал Петрович. – Самсонов плюхнулся на стул и рассеянно провел ладонью по коротким волосам. – Два трупа, один почерк. Столько накручено, что не знаешь, как понимать. Тут тебе и «красный тюльпан», и заморозка, и кости, и шахматы!

– Я ознакомился с материалами дела, – проговорил Башметов, нахмурившись. – Это тебе поначалу кажется, что винегрет, а для убийцы все взаимосвязано.

– Надеюсь, что так. А если это просто трюк, чтобы нас запутать?

– Все может быть. Но не думаю. Угадай почему.

Самсонов вздохнул. Он и сам понимал, что преступник не случайно выбрал именно такой способ убийства.

– Если бы это были обыкновенные разборки, то проще было бы грохнуть и молдаванина, и болгарина, да и концы в воду, а не оставлять столько улик, – сказал он.

– Вот именно. Чем сложнее модус операнди, тем больше зацепок. Тебе ли это объяснять?

– Я понимаю, Павел Петрович, но как шахматы с тюльпанами связаны, например?

– Не знаю ни про какие тюльпаны. Зато знаю, что твоя работа – как раз искать связи.

– Сам понимаю. Просто пока похвастать нечем.

– Ну так вперед.

– Разрешите идти?

– Подожди. – Башметов сделал страдальческое лицо и достал из ящика стола несколько газет. – Тут про убийства эти написали. Тела-то в общественных местах оставлены, так что резонанс, так сказать, неизбежен. Ничего хорошего про нас в этих статейках нет, а когда журналисты пронюхают подробности, нас просто заклюют! Твоя старая знакомая тут особенно постаралась представить нас в самом выгодном свете.

– Какая знакомая?

– А та, которая после дела Козерога все интервью у тебя порывалась взять. Эксклюзивное. А ты ее послал. Когда она поймет, что эти убийства – серия и занимается ими наш отдел, вот тут она оторвется!

Самсонов хотел бы сказать, что ему плевать на то, что пишут газеты, но он понимал, что Башметов, в отличие от него, пренебрегать такими вещами не может.

– Ответственность осознал, – сказал он. – Будем действовать по возможности оперативно, но вы же знаете, что серийные убийства за пару дней не распутаешь.

Башметов бросил стопку газет на стол и махнул рукой.

– Я не задерживаю.

Самсонов отправился в свой кабинет и засел за компьютер. Он не раз благодарил Бога за то, что тот дал людям Интернет – важнейшее подспорье в работе следователя.

Прежде всего Самсонов решил разузнать про «красный тюльпан». Он легко нашел статью об этом виде казни. Оказалось, что первое упоминание о ней относится еще к далекому царствованию сасанидского царя Пероза, при котором кожу содрали с двух магов-огнепоклонников. Самсонов на всякий случай пометил в своем блокноте про огонь, хотя не был уверен, что это пригодится. Тем не менее он привык ничего не упускать, ведь неизвестно, как именно в сознании убийцы связались составляющие того способа, который он избрал, чтобы разделаться со своими жертвами.

Оказалось также, что во время афганской войны моджахеды применяли «красный тюльпан» к пленным советским солдатам. Кожа подрезалась под мышками и сворачивалась до пояса. И при этом тоже использовались наркотики.

Самсонов откинулся на спинку кресла и задумался. Убийца едва ли мог быть моджахедом или даже просто служить в Афганистане – слишком много времени прошло. Почему же он выбрал этот вид казни и так точно следует процедуре? Просто потому что понравилась? Но полицейский чувствовал, что для убийцы каждый элемент должен иметь значение. Стало быть, надо продолжать искать. Он решил выяснить, что означают красные тюльпаны сами по себе.

Вскоре Самсонов наткнулся на легенду о появлении этого цветка.

Однажды персидский султан Фархад влюбился в девушку по имени Ширин. Через некоторое время ему доставили ложное донесение о ее гибели, и султан, не пожелав жить без любви-

мой, направил своего верного коня на скалы и разбился. На следующий же день там, где пролилась его кровь, появилось поле красных тюльпанов.

Тут уже чувствовалось что-то личное. Может быть, убийца воспроизводит на свой манер эту легенду? Почитает таким образом погибшую возлюбленную? Мстит тем, кто, как он считает, повинен в ее гибели? Или тем, кто доставил ложное сообщение тому, кто...

Стоп! Самсонов почувствовал, что вот-вот сам запутается в своих выкладках. Слишком мало фактов, чтобы строить догадки. Грубейшая ошибка – высасывать версию из пальца, имея минимум данных.

Самсонов решил переключиться на другую часть мозаики. Вырезанная бедренная кость, которую убийца прихватил с собой. Дремин сказал, что встречал упоминания о чем-то подобном и обещал поискать в Интернете, но старший следователь решил не ждать и занялся этим сам. Однако его ждало разочарование: попадались статьи о хирургии и только. Тогда Самсонов открыл один из сайтов, посвященный имплантации, и стал читать. В конце концов, возможно, преступник искал что-то. Через некоторое время старший лейтенант решил, что у жертв вполне могли быть бедренные имплантаты, а в них... Мало ли что там можно было спрятать. Во всяком случае, ничего другого в голову пока не приходило.

Самсонов набрал номер своего сотрудника, опера по фамилии Коровин:

– Алло, это я. Надо кое-что проверить. Записываешь? Узнай, не делали ли Бончовска и Йорг операций на бедре. В России или за рубежом. Хотя с последним могут возникнуть проблемы. Тебе Дремин уже сообщил, что не ясно, бывал ли вообще Йорг в Молдавии? Ну вот и я о том же. В общем, ты понял, что меня интересует. Действуй.

Отключившись, Самсонов встал и заварил себе зеленый чай. Он предпочитал кофе по утрам, но во второй половине дня пил зеленый чай, чтобы понизить кислотность в желудке. Иначе его начинала мучить изжога.

Самсонов сел на подоконник, размышляя над тем, что мог искать убийца в имплантатах (если они были) и нашел ли это или станет продолжать поиски? Невольно вспомнились картины из прошлого. Они продолжали преследовать старшего лейтенанта, хотя кошмары снились теперь не так уж часто. И все же это был груз, от которого Самсонов никогда не сумеет избавиться – сколько бы преступников он ни поймал. Полицейский понял это и смирился. Иногда он думал, что, пожалуй, и не хотел бы совсем забыть окровавленный железный куб и ошметки человеческих тел, разбросанные повсюду, – чтобы не забыть, почему он пошел в полицию. Хотя разве он нуждался в стимуле? Разве мог перестать преследовать зло?

Через полчаса в управление явились остальные следователи и опера «Серийного отдела». Вся компания расположилась в конференц-зале, чтобы сравнить вещи, личности и образ жизни двух убитых эмигрантов. Работа была кропотливая, потому что очень легко можно было не заметить какую-нибудь «мелочь» и тем самым упустить точку соприкосновения между жертвами.

Окна открыли, чтобы было посвежее, и в помещении запахло сиренью, росшей вокруг управы.

Через два с половиной часа Самсонов решил, что пришло время подвести итоги.

– Итак, – проговорил он, беря лежавший перед ним исписанный мелким почерком листок, – что мы имеем? Бончовска и Йорг были эмигрантами. При этом нет никаких документов, относящихся к их жизни до переезда в Россию: нет личных фотографий за период, предшествовавший эмиграции, нет сведений о родственниках, нет информации о том, чем они занимались в Болгарии и Молдавии, нет ничего личного в компьютерах, которые любезно взломал наш коллега, – при этих словах Самсонов подмигнул Морозову. – Зато мы знаем, что убитые были знакомы и являлись членами одного шахматного клуба «Табия», о чем свидетельствуют найденные в их квартирах членские билеты и спортивные награды. Йорг и Бончов-

ска имели телефонные номера друг друга в своих мобильных. Кроме того, в сотовом Йорга обнаружилось сообщение с неизвестного номера в виде стихотворения. Я прочитаю:

Дитя с безоблачным челом
И жаждой новизны,
Менялось время и текло,
И мы разделены.
С улыбкой любящей прими
Ты сказку – дар моей любви...

Андрей утверждает, что это отрывок из детской книжки.

– Да, – кивнул Дремин. – Из «Алисы в Зазеркалье». Я как раз дочке читал на той неделе. Правда, в другом переводе, но это точно оттуда.

– И такое же сообщение, – продолжал Самсонов, – обнаружилось в телефоне Бончовска, только оно было удалено. К счастью, нам удалось восстановить все эсэмэски. Опять же спасибо Юре. – Он кивнул Морозову. – Номер, с которого были отправлены сообщения, надо проверить и выяснить, кто абонент. Займешься этим ты, – добавил он, обращаясь к Дремину. – Остальные, кровь из носа, но узнайте, кем были эти парни и как оказались в России. Проверьте паспорта, отпечатки пальцев пробейте по Интерполу, сделайте повторный осмотр квартир – поднимите пол, просветите стены, обыщите их автомобили, съездите к убитым на работу и обшарьте там все. Выясните, нет ли у них абонированных банковских сейфов, и так далее. Отправьте запрос в Болгарию и Молдавию, чтобы было ясно, существуют ли наши Роман Бончовска и Богдан Йорг вообще. Выясните, не закупалось ли в последнее время оборудование для бальзамирования и составы для разжижения крови. Заодно проверьте все бюро ритуальных услуг. Наш убийца может работать в одном из них. Ищите всех, у кого есть доступ в помещения и к оборудованию, включая ночных охранников. Все ясно? Тогда за работу.

Следователи и опера начали расходиться.

– А ты чем займешься? – спросил, вставая со своего места, Дремин.

– Съезжу в шахматный клуб, – ответил Самсонов. – Поговорю с теми, кто должен знать обеих жертв.

– Думаешь, убийца – кто-то из клуба?

– Не исключено. Обычно первой жертвой становится если не знакомый, то человек, которого убийца видел достаточно часто. И, кстати, проверь, не было ли убийств, вроде этих двух, раньше. За последние пять лет, например.

– Это ж до черта! А мне абонента искать еще.

– Ну, засади за это Рогожина. Вон, лови его, пока не ушел.

Дремин кинулся в коридор, а Самсонов собрал материалы дела в папку и направился к себе в кабинет. Там он нашел через Интернет телефон шахматного клуба «Табия» и позвонил. После четырех гудков ответил высокий резкий женский голос:

– Алло?!

– Клуб «Табия»?

– Да.

– Меня зовут Валерий Самсонов, я из полиции. Мне бы хотелось поговорить с членами клуба и его администрацией. Могу я застать кого-нибудь сегодня?

– А по какому вопросу?

– Это связано с одним... вернее, с двумя членами вашего клуба.

– Президент сегодня на месте до шести, а что касается остальных, то, кого застанете, того застанете. Сегодня интересная игра должна быть, так что, вероятно, придут многие.

– Я приеду через час.

– Хорошо. Я предупрежу президента, – и женщина повесила трубку.

Самсонов вышел из кабинета и спустился вниз, где на стоянке его ждала машина. Ему было интересно посмотреть на членов шахматного клуба: неужели среди них действительно затесался жестокий убийца? Впрочем, почему нет? Ведь оказались же там два человека без прошлого.

Город источал запах по-весеннему приторный и горький – как гнилой фрукт, упавший с дерева на влажную почву. Самсонов потянул ноздрями – он любил этот дух мегаполиса, потому что родился и вырос с ним. Он не променял бы его ни на какой другой. Так же, как серые коробки высоток, подъемные краны, высящиеся на фоне бледного неба, и серые ленты магистралей.

Невольно в памяти всплыли слова Полтавина о том, что в деле Козерога у старшего лейтенанта был личный интерес. Наверное, криминалист думал, что прошлое надежно изгладилось из памяти полицейского и упоминание о нем не ранит его, но он ошибался. Как бы Самсонов ни старался избавиться от жутких образов, хранящихся в его голове, ничего не выходило. Хотя кошмары снились теперь совсем редко, наяву он все равно иногда мысленно возвращался к событиям, раз и навсегда определившим его судьбу.

Сев в свой недавно приобретенный «Олдсмобиль Катласс», Самсонов включил проигрыватель. Он обожал скорость и специально прокачал купленный за четверть цены автомобиль, который теперь мог выдавать до двухсот семидесяти километров в час. Плюс специальная подвеска и укрепленная рама, которую Самсонов лично проварил по всем швам. Не говоря уж о полностью перебранном двигателе, в котором старший лейтенант постарался оставить по возможности больше родных деталей. На этой тачке Самсонов собирался в ближайшем времени участвовать в гоночном заезде. Оставалось только покрасить машину.

Под ритм песни Эми Уайнхаус «Длинный день» полицейский на всякий случай тщательно проверил пистолет: вытащил магазин, вытряхнул из него патроны на соседнее сиденье, туда же отправил патрон из ствола, потрогал пружину обоймы, убедился, что затвор ходит легко. Он проделывал это раз в день – просто по привычке.

Вставляя патроны обратно в магазин, Самсонов усмехнулся: можно подумать, он отправляется в логово льва, а не в клуб людей, часами просиживающих над клетчатой доской.

Глава 2

Белые начинают и выигрывают

Здание, в котором располагался шахматный клуб «Табия», было многоквартирным домом сталинского периода – советский монументализм нашел отражение в греческих портиках и колоннах, высоком крыльце и огромных квадратных окнах.

Клуб был на первом этаже, в него вела железная дверь с домофоном. Самсонов приготовил удостоверение и нажал единственную кнопку.

– Да? – голос был женский, тот самый, который ответил по телефону.

– Старший лейтенант Самсонов. Я вам сегодня звонил.

Дверь пискнула и открылась.

В холле клуба лежал ковер, по обе стороны от стойки администратора стояли большие кадки с развесистыми пальмами – на первый взгляд настоящими. Свет шел от неоновых ламп на потолке. В целом помещение производило впечатление офисного – если бы не женщина за стойкой, одетая в черное платье с огромными аляповатыми цветами. На ее мощной шее висела сложенная втрое нитка жемчуга, на запястьях сверкали массивные позолоченные браслеты. От нее пахло сладким парфюмом, но этот дорогой запах перебивался мерзкой вонью, наполнявшей комнату.

– У вас тут что, крыса сдохла? – не выдержал Самсонов.

Он подошел к стойке и показал удостоверение. Женщина взглянула на него мельком. На ее лице появилось брезгливое выражение, но относилось оно к запаху, о котором спросил полицейский.

– Похоже на то, – ответила она, морща широкий нос, на кончике которого блестел пот. – Да еще и кондиционер сломался, как назло. Если так пойдет и дальше, я просто перестану выходить на работу, и пусть справляются без меня как хотят! – она с грохотом опустила на столешницу толстую пачку бумаг, перетянутых зеленой резинкой. – Так по какому вы вопросу? – карие глаза, жирно обведенные карандашом, уставились на полицейского. – Я предупредила президента, он у себя, но мы все недоумеваем, что такое могло случиться с кем-то из членов клуба, что вам понадобилось приезжать.

– Фамилии Бончовска и Йорг вам о чем-нибудь говорят?

В глазах женщины зажегся интерес.

– Само собой. Первого убили три недели назад, а что со вторым? Это его рук дело?

– Нет, вряд ли. Его тоже убили.

– Серьезно? – Женщина хмыкнула. – Бывают же совпадения.

– Больше, чем совпадения. – Самсонов придвинул стеклянную вазу с букетом тюльпанов. Три были желтого цвета, а два – красного. – Чудные цветы. Ваши?

– Да, от неизвестного поклонника. – Женщина кокетливо поправила бутоны. – Только сегодня утром прислали.

– Правда?

– Да. Так что там с Йоргом?

– Та же история, что и с Бончовска.

– Хотите сказать... – женщина запнулась. – То есть...

– Именно. Маньяк! – почему-то Самсонову пришло в голову, что сведения такого рода помогут разговорить администратора. Он интимно придвинулся, перегнувшись через стойку, и продолжил почти шепотом. – Запредельная жестокость! И обе жертвы – члены «Табии». Теперь понимаете, почему я здесь?

– Да-да-да! – забормотала женщина, глядя на него, будто заворуженная. – Кажется, понимаю!

Однако было видно, что она представления не имеет, что хочет сказать Самсонов. Полицейский выпрямился.

– Кто принес цветы?

– Какие цветы? – растерялась женщина. – А, тюльпаны! Не знаю, какой-то курьер. Из службы доставки.

– Что за фирма?

– Не помню.

– Упаковка сохранилась?

– Вот она, – Женщина извлекла из-под стола прямоугольную коробку. – А что?

Самсонов внимательно осмотрел ее и сунул под мышку.

– Если вы не против.

– Нет, ради бога. Да зачем она вам?

– Мало ли. Как, кстати, вас зовут? – Самсонов достал из кармана блокнот и ручку. Женщина прочистила горло.

– Кроликова Анна Юрьевна.

– Хорошо знали убитых?

– Да не особо. Приходили они часто, но со мной просто здоровались и прощались.

– Они приходили вместе?

– Нет, порознь. В смысле, часто встречались уже тут, но являлись в разное время.

– А уходили?

– Уходили иногда вместе.

Самсонов поднял глаза на администраторшу:

– То есть дружили?

– Откуда же я знаю? Об этом вы у Пети спросите. Он с ними часто ходил.

– Кто таков?

– Антонов. Член клуба. Сегодня здесь, кстати.

Полицейский сделал пометку в блокноте.

– Проводите меня к президенту, пожалуйста.

Кроликова с трудом выбралась из-за стойки. Ее объемные телеса перекачивались под цветами платья в такт движениям.

– Идемте, – проговорила она, обдав Самсонова волной духов.

Кабинет президента «Табии» располагался в конце коридора, из которого вели еще четыре двери. Две из них были распахнуты, и, проходя мимо, Самсонов увидел сидевших за шахматным столиком игроков и стоящих рядом с ними членов клуба.

– Сюда, – сказала Кроликова, нажимая на ручку обшитой рейками двери с латунной табличкой, на которой красовалась надпись: «Президент клуба Донников Андрей Валентинович». – Андрей Валентинович, к вам! – добавила она громко, переступая порог.

Самсонов последовал за ней и увидел сидящего за большим стеклянным столом мужчину лет пятидесяти, аккуратно подстриженного, с высоким шекспировским лбом и слегка закрученными кверху усами. Президент «Табии» поднялся и взглянул на полицейского сквозь дымчатые стекла очков.

– Спасибо, Анна Юрьевна, – проговорил он.

Кроликова вышла в коридор, бросив на Самсонова быстрый взгляд. Полицейский прикрыл дверь и подошел к столу.

– Старший лейтенант Самсонов, – представился он.

– Андрей Валентинович, – президент протянул руку. – Присаживайтесь.

Полицейский опустился в глубокое мягкое кресло из искусственной кожи. В кабинете пахло лимоном (видимо, освежителем), но вонь, встретившая Самсонова в холле, проникла и сюда.

– Чем могу? – поинтересовался Донников.

– Я по поводу убийства членов вашего клуба.

– Членов? – удивился Донников. – Но ведь умер только Бончовска.

– К сожалению, ваши сведения устарели. Йорг тоже скончался. И так же точно, как его предшественник.

– Вы серьезно? – Седые брови Донникова взметнулись над очками. – И когда?

– Недавно. Что можете сказать об убитых? – Самсонов демонстративно раскрыл блокнот и приготовился записывать.

Президент развел руками. На левом мизинце сверкнуло золотое кольцо с зеленым камнем.

– Даже не знаю. А что конкретно вас интересует?

– Убитые были друзьями?

– Это мне не известно. Но они часто играли друг с другом, причем каждый всегда старался обставить соперника во что бы то ни стало.

– Они были знакомы и до вступления в клуб?

– Не могу сказать. Во всяком случае, вступили они в «Табию» с разницей почти в год. Сначала Бончовска, затем Йорг.

– И первый не рекомендовал второго?

Донников покачал головой.

– Нет, никогда. Думаю, они познакомились уже здесь. Вы можете спросить об этом остальных членов клуба.

– Непременно. Кстати, сколько в «Табии» членов?

– Ровно тридцать два, считая меня самого.

– Почему такая цифра?

– По числу шахмат на доске перед началом партии. Шестнадцать белых и столько же черных.

– Ясно. Анна Юрьевна, администратор, тоже член клуба?

Донников усмехнулся:

– Нет, что вы! Не думаю, чтобы она вообще знала, как ходят фигуры.

– Кроме нее, кто работает в клубе?

– Повар, два его помощника (они же официанты), две уборщицы, электрик, бухгалтер.

– Они сейчас все здесь?

– Нет, уборщики работают посменно. Сейчас на месте только один. Электрика тоже нет.

– Почему?

– Мы его вызываем, когда нужно. У него неполный рабочий день. Должен прийти посмотреть кондиционер, но, думаю, все равно придется вызывать мастера из сервисной службы.

– Ясно. Мне нужно поговорить с членами клуба. Могу я это сделать где-нибудь с глазу на глаз? Есть у вас свободное помещение?

Донников задумчиво почесал щеку.

– Я могу организовать это, – сказал он. – Освободим одну из игровых комнат.

– Благодарю.

– А вы сами играете в шахматы? – спросил президент, набирая на мобильном чей-то номер.

– Нет. Знаю только, как ходить.

– Жаль. – Донников подался чуть вперед и кашлянул, прежде чем начать разговор. – Лень, мы можем освободить третью игровую? Кажется, там только две партии. Понимаю, но

очень надо. В течение десяти минут. Спасибо. – Он отключился и кивнул Самсонову. – Все в порядке. Вам еще что-нибудь нужно?

– Да, список присутствующих и тех, кого сегодня в клубе нет. Я не сильно помешаю, если буду вызывать членов клуба на разговор?

– Думаю, они это переживут. Но у меня вопрос: если кто-нибудь из них захочет уйти раньше, чем вы встретитесь, что нам делать?

– Попросите задержаться. Если же человек упрется, просто запишите его фамилию и сообщите мне.

Донников кивнул.

– Как вы будете их вызывать?

– Можно задействовать Анну Юрьевну?

– Хорошо, я попрошу ее вам помочь. И кстати, она же и составит список.

Донников вызвал администраторшу и поручил ей переписать присутствующих.

– И тех, кого нет, тоже, но отдельным списком, – напомнил Самсонов.

Через четверть часа он уже сидел в одной из так называемых игровых комнат. Два стола пришлось сдвинуть к окну, чтобы освободить место, и, кроме того, Самсонов приоткрыл окно, и теперь комнату постепенно заполнял прохладный влажный воздух: неожиданно заморосил дождь, и небо постепенно темнело, хотя еще с утра было многообещающе голубым.

Самсонов рассматривал лежавший перед ним список присутствующих в клубе членов – всего двадцать три человека. Среди них оказалось пять женщин, хотя полицейский почему-то был уверен, что шахматы – чисто мужское развлечение.

Семь человек Самсонов сразу вычеркнул, поскольку им было за семьдесят, и едва ли они могли убивать молодых здоровых мужчин и перетаскивать их с места на место. Возраст полицейский уточнил у Кроликовой, которая располагала всеми необходимыми записями.

Подумав, женщин Самсонов в списке оставил. В конце концов, почему бы и нет? Одежда на убийце была объемная, маскирующая фигуру, да и люди зачастую кажутся слабее, чем они есть на самом деле.

Предстояло опросить шестнадцать человек. Самсонов, конечно, не рассчитывал, что обнаружит среди них убийцу, но познакомиться с подозреваемыми, как он мысленно обозвал всех членов клуба, стоило.

Рядом стояла Кроликова, источая тяжелый сладкий запах духов.

– Давайте начнем, – проговорил Самсонов. – Пригласите, пожалуйста, Тавридиева Степана Павловича. – Он поставил рядом с фамилией маленькую галочку и тут же сделал идентичную запись в блокноте.

Тавридиев оказался мужчиной весьма импозантным: черные с легкой проседью волосы, очки в черепаховой оправе, светло-коричневый костюм. Его узкое лицо выражало недоумение и досаду. В руках он держал шахматную доску, которую в самом начале разговора положил на колени и прижал к ним обеими ладонями.

– Вы знали Бончовска и Йорга? – сразу спросил Самсонов, взглядываясь в лицо собеседника, чтобы уловить малейшие признаки беспокойства или страха.

– Разумеется. – Тавридиев слегка качнул головой. – Мы разыграли не одну партию.

– Они были друзьями?

– Во всяком случае, приятелями.

– Что заставляет вас так думать?

– А можно узнать, почему вы говорите о Богдане в прошлом времени? – прищурился Тавридиев. – Он что, умер?

– Увы, да.

– Так же, как Рома?

– Именно.

– Значит, вы предполагаете, что это дело рук серийного убийцы? – Густые черные с проседью брови едва приподнялись.

– Вероятно, да.

– Довольно странно, – заметил Тавридиев, задумчиво потрогав указательным пальцем шахматную доску. – Если позволите, то серийники обычно так не действуют.

– Неужели? – Самсонов едва сдержал улыбку. Видимо, собеседник решил поделиться с ним тем, что видел в фильмах о серийных убийцах или прочитал в журнале. – Это почему же?

– Во-первых, жертвы были знакомы и совершенно не похожи внешне. Во-вторых, прошло слишком мало времени. Серийные убийцы делают довольно долгие перерывы, поскольку...

– Простите. – Самсонов бросил взгляд на страницу блокнота, – Степан Павлович, но откуда у вас подобные сведения?

– Дело в том, что я – профессор криминальной психиатрии, – скромно потупившись, ответил Тавридиев. – Возможно, вы читали мою книгу о поведении серийных убийц под названием...

– Увы, нет, – перебил Самсонов. – Но уверен, она замечательная. И я с вами совершенно согласен: серийные убийцы так часто не убивают, поскольку им необходимо накопить негатив, так сказать. Чтобы потом последовала мощная разрядка. И насчет того, что жертвы были знакомы, вы тоже правы. Это редкий случай.

– И поэтому вы здесь, в клубе? – снова прищурившись, спросил Тавридиев.

– Мы проверяем личности убитых, – уклончиво ответил Самсонов. – Надеюсь, вы не станете говорить остальным, что я ищу среди них убийцу, как вы, вероятно, подумали.

Тавридиев усмехнулся.

– Подумал, подумал. Нет, не стану. Но я очень сомневаюсь, что один из тех, с кем мне доводилось играть здесь, способен убить кого-то, кроме пешки или фигуры.

– Если вы написали книгу о поведении серийников, то, конечно, знаете о «маске нормальности», – парировал Самсонов.

– Вы правы, – кивнул Тавридиев. Он снова задумчиво поскреб клеточки на доске. – Просто одно дело – писать книгу, а другое – допустить, что кто-то из твоих знакомых убийца. Понимаете?

– Прекрасно понимаю. Так что давайте отбросим личные впечатления и сосредоточимся на Бончовска и Йорге. Что можете о них сказать?

Тавридиев снял очки, посмотрел через них на свет, но не надел, а положил на шахматную доску. Глаза у него были маленькие, светло-серые и немного воспаленные.

– Эти двое часто играли друг с другом и уходили вместе. Я думаю, они общались и за стенами клуба. Большого сказать не могу.

– Они рассказывали о своем прошлом? О родственниках, как и почему эмигрировали в Россию.

Тавридиев покачал головой.

– Никогда, насколько я помню. По крайней мере я таких разговоров не слышал.

– Ясно. А вы с ними общались вне клуба?

– Нет.

– Какими они были игроками? – сам не зная зачем, спросил Самсонов.

– Неплохими. Особенно Богдан. Почти всегда выигрывал. Рому это ужасно злило.

– Что ж, думаю, этого пока достаточно. Спасибо.

– Я могу быть свободен?

– Абсолютно.

Тавридиев встал, но уходить не торопился.

– Знаете, я бы хотел вам помочь, но понимаю, что вы не станете задействовать меня в расследовании. А жаль, это могло бы стать для меня полезным опытом.

- Для написания новой книги?
- Почему бы и нет? В любом случае я хочу вам сказать то, что, возможно, вы и так знаете. Слышали про гештальт?
- Боюсь, что нет, – признался Самсонов. – Что это такое?
- Способность мозга восстанавливать целое по его части. Например, слышите вы протяжный гудок, а представляете пароход.
- Понимаю. Но какое отношение гештальт имеет к серийным убийствам?
- Тавридиев забавно поднял указательный палец.
- Самое прямое. Убийца действует в соответствии с замыслом, который должен быть полностью воплощен. Все элементы задуманного он хочет видеть на своем месте.
- То есть стремится завершить гештальт? – кивнул Самсонов.
- Иногда такое стремление становится основополагающим и делает убийцу уязвимым. Возможно, вам это пригодится.
- Кто знает. Во всяком случае, постараюсь запомнить.
- После Тавридиева в комнату зашел грузный мужчина лет сорока, с большими залысинами и носом картошкой. Его глаза навывкате смотрели испуганно. Кроме того, он почти не моргал.
- Леонид Антонович Рыбкин? – на всякий случай уточнил Самсонов.
- Мужчина кивнул.
- Он самый.
- Старший лейтенант Самсонов. Мне нужно задать вам несколько вопросов о Бончовска и Йорге. Знаете таких?
- Да, конечно. – Рыбкин нервно поерзал. – А при чем тут Богдан?
- Его тоже убили.
- Господи Иисусе! – Рыбкин широко перекрестился, подняв глаза к потолку. – Когда? Кто?
- Недавно. Кто – как раз и предстоит выяснить.
- А убили так же, как Рому?
- Именно.
- Рыбкин на мгновение скорбно прикрыл глаза. Когда он поднял веки, зрачки снова остановились на лице Самсонова.
- Вы меня подозреваете? – спросил он глухо.
- Вовсе нет. С чего вы взяли? Обычный опрос людей, знавших убитого. Разве, когда убили Бончовска, полиция не приезжала?
- Приезжала, – состроил кислую мину Рыбкин.
- Итак, вы хорошо знали убитых?
- Нет. Так, играли несколько раз.
- Кто выигрывал?
- Чаще всего я, но иногда и кто-нибудь из них.
- Думаете, они были друзьями?
- Понятия не имею.
- Они уходили вместе?
- Не знаю. Я поздно ухожу, одним из последних.
- Кем вы работаете? – Самсонов специально чередовал вопросы, чтобы сбивать собеседника с толку и не давать возможности подготовиться к ответу.
- Преподаю в колледже.
- Надо же: опять педагог.
- В каком? – поинтересовался полицейский, беря ручку, чтобы сделать запись в блокноте.
- Рыбкин продиктовал название.

– Литературу, – добавил он. – Это имеет значение?

– Пока не знаю, – уклончиво ответил Самсонов. – Что можете сказать об убитых? Какое они производили впечатление?

– Ну, как сказать... – Рыбкин опять поерзал. – Не знаю, кем они работали, но точно не играли в консерватории.

– Хотите сказать, они не были интеллигентами? – переформулировал Самсонов.

– Да уж вряд ли! – фыркнул Рыбкин.

– Почему вы так думаете?

– По тому, как они говорили, вообще держались.

– А кем они, по-вашему, могли бы быть?

– Не знаю. Рабочими, например. Спортсменами. Военными в конце концов.

– Они употребляли какие-то специфические слова? – подумав, спросил Смирнов.

– Профессионализмы? Нет, не припоминаю. Хотя нет! Был один момент, я обратил на него внимание. Йорг несколько раз указывал направление, ориентируясь по часам. Ну, знаете, как говорят военные: стул на двенадцать часов, например.

Самсонов кивнул.

– Что еще можете сказать о них?

– Дайте подумать. – Рыбкин сложил руки на объемном животе и прикрыл на несколько секунд глаза.

– Знаете, что? – проговорил он вдруг. – Мне сразу показалось странным, что они говорят без акцента.

– Seriously?

– Да. Ни у одного, ни у другого. А ведь, кажется, они не так давно переехали в Россию.

– Не очень давно, вы правы. А они не рассказывали о своем прошлом? Родственники, учеба?

Рыбкин покачал головой.

– Никогда, насколько я помню.

– С кем они дружили в клубе?

– Не знаю. Никогда не обращал на это внимание.

– Что же, спасибо. Можете идти.

После Рыбкина было еще трое, но они ничего определенного про убитых сказать не могли. Сходились только в том, что Йорг и Бончовска часто играли друг с другом, соперничали и не раз уходили из клуба вместе.

Следующий, кого опрашивал Самсонов, заявил, что пару раз ходил с ними в бар. Его звали Антонов Петр Кириллович, и ему было тридцать с небольшим. Коротко стриженный атлетический блондин с открытым лицом и поминутно возникающей улыбкой. Это о нем говорила Кроликова, как о человеке, общавшемся с убитыми больше других.

– О чем вы говорили? – спросил Самсонов, надеясь на чудо: должны же были убитые при ком-то хоть раз упомянуть о своем прошлом.

Антонов пожал широкими плечами.

– Да о разном. О тачках, о бабах, об оружии.

– О бабах? О каких конкретно? Йорг или Бончовска рассказывали о том, с кем встречались раньше?

– Нет. Ничего конкретного. Пустой треп.

– Вы упомянули также об оружии.

Блондин кивнул.

– Да, они отлично в нем разбирались.

– Seriously? С чего бы?

– Не знаю даже.

– А вы?

– Ну, я-то в оружейном магазине работаю, – Антонов широко улыбнулся, словно сообщил отличную новость. – Вот и зашел разговор.

– Значит, они оба разбирались?

– Ага. Просто доки, – в голосе блондина послышались уважительные нотки. – Но понятия не имею, где они так насобачились. Не спрашивал.

– Они упоминали о том, что служили в армии?

– Кажется, нет.

– Говорили о родственниках, о жизни за границей?

– Однажды Богдан сказал что-то про Югославию. Вроде бы, он там отпуск проводил.

– Один?

– Не знаю. Может, с бабой какой-нибудь.

– Почему они эмигрировали в Россию?

– А они эмигрировали? – удивился Антонов.

– Ну да. Йорг из Молдавии, а Бончовска из Болгарии.

– Вот никогда бы не подумал! Я был уверен, что они тут родились.

– Почему?

– Ну... такое складывалось впечатление. Мне трудно объяснить. – Антонов помолчал. – Да и говорили они без акцента. Очень чисто.

После Антонова в комнату вошла женщина лет сорока со жгуче-черными, аккуратно зачесанными назад волосами и руками, унизированными кольцами и браслетами всех мастей.

– Францева Азалия Викторовна, – представилась она, плавно опускаясь в кресло. От нее пахло благовониями.

– Старший лейтенант Самсонов, – отозвался полицейский, рассматривая ее. Работает в сувенирной лавке?

– Самсонов? – вопросительно повторила женщина. – Какая интересная фамилия. Невольно вспоминаешь мифического героя. Часто вам приходится разрывать пасти львам? – она улыбнулась, игриво глядя на полицейского.

– Время от времени, – ответил ей с улыбкой Самсонов. – Хотя вообще я люблю животных.

– Даже диких?

– Даже диких. Не нравятся мне только бешеные.

– А зовут вас как?

– Валера.

– Римское имя. Означает «сильный, здоровый». Очень подходит к вашей фамилии.

– Спасибо. Кем работаете?

– Угадайте. Вы же следователь.

– Продаете благовония?

– Почти. Я астролог и немного спирит.

– Кто?

– Духовидец. Слышали о медиумах и столоверчении?

– А, понятно.

– Могу и погадать. Хотите, взгляну на вашу руку? – Францева приглашающе протянула ладонь.

– Может быть, позже. Сейчас мне нужно задать вам несколько вопросов об убитых.

– Да, я уже слышала, – Францева скорбно покачала головой. – Бедняги. Такие приятные мужчины.

– Вы хорошо их знали?

– Нет, этого я не сказала бы.

– Не гадали им? – улыбнулся Самсонов.

– Они в это не верили. Грубые материалисты.

– Но все равно приятные люди?

Францева тоже улыбнулась:

– Я не сказала «люди». Я сказала «мужчины».

– Какое у вас сложилось о них впечатление?

– Не знаю, чем они занимались, но думаю, что не на скрипке пиликали.

Самсонов отметил для себя, что ответ женщины практически повторяет слова Рыбкина.

– Что вы хотите сказать?

– Ну, знаете, бывают такие brutальные мужчины, что сразу чувствуешь: это самцы. Безо всяких там... – Францева неопределенно помахала рукой в воздухе. – А так я ничего про них не знаю. С ними больше Петя общался.

– Антонов?

– Да. Но вы с ним ведь уже поговорили.

– Поговорил.

– Бедный Петя! – Францева хмыкнула. – Мог бы сразу догадаться, что с Йоргом ему ничего не светит.

– Что вы имеете в виду?

– Петя – гей. Он рассчитывал завоевать симпатию Богдана, потому и таскался с ним по кабакам. Но то ли они с Ромой поняли, что он за фрукт, то ли Антонов сам догадался, что по морде может схлопотать, но в последнее время он держался от них в стороне.

– Ясно, – протянул Самсонов.

– Об этом Петя не упомянул, да?

– Видимо, не счел нужным.

Францева улыбнулась.

– Я про его надежды точно знаю. Он мне сам однажды признался. Просил погадать на Богдана.

– И как?

– Сказала ему, чтобы отступился. Пока цел.

– Что ж, спасибо за помощь. Если вспомните еще что-нибудь, позвоните. Я оставлю свой номер у администратора.

Самсонов опросил оставшихся примерно за два часа. Некоторые встречали убитых в клубе чаще, другие с ними практически не общались, но общее впечатление было таким: приятные, хоть и слегка грубоватые парни, проводящие много времени вместе, но скорее приятели, чем близкие друзья. У них могли быть общие интересы за пределами клуба, но едва ли – общее прошлое.

Когда Самсонов вышел в холл, он был голоден как собака, хотя прошло не так уж много времени с тех пор, как он последний раз ел.

– Вы закончили? – спросила Кроликова.

– Да, спасибо за помощь.

– Пришли еще двое членов клуба. Они играют в первой комнате. Но я их знаю: они ни за что не прервутся, пока не закончат партию.

– Почему?

– Такое у них правило.

– И долго обычно играют?

– Когда как. Могут час, а могут и больше.

– Кто такие? – Самсонов протянул Кроликовой список, где были перечислены отсутствующие члены «Табии».

– Власов и Цыплаков. Вот эти.

– Я бы хотел посмотреть на их игру. Можно?

– Пойдемте, я вас провожу. Там уже собрались некоторые из тех, кого вы опросили.

В игровой комнате одиннадцать человек окружили стол, за которым сидели двое мужчин. Один лет сорока, поджарый и нервный, комкал тонкими пальцами клетчатый носовой платок, впрочем, исключительно чистый. Другой – брюнет с собранными в хвост волосами, бровями вразлет и склонностью к полноте, в спортивном костюме и найковских кроссовках. Сидел вальяжно, постукивая костяшками пальцев по краю стола.

– Только начали, – шепотом сказал Самсонову оказавшийся поблизости Антонов. Он почесал кончик носа и указал на доску. – Власов играет белыми.

Значит, брюнет, понял Самсонов.

– Почему всех так интересует эта игра? – спросил он.

– Цыплаков и Власов играют на деньги. Негласно, конечно. Считайте, что я вам ничего не говорил, ладно?

– Не беспокойтесь. Я не по этой части. И большая сумма на кону?

– Точно неизвестно, но, думаю, немалая.

– И они всегда на деньги играют?

– Нет, только если сильно рассорятся.

– Так это вроде дуэли?

Антонов усмехнулся:

– Типа того!

– Долго играть будут?

– Часа, может, два.

– Долго, – Самсонов взглянул на часы. Это были черные «G-Shock», очень легкие и удобные. Особенно Самсонов ценил то, что они противоударные, потому что при его работе приходилось лазать везде, и предыдущие часы то и дело царапались и бились. – Ждать конца не буду, – решил полицейский.

– Я думаю, выиграет Власов.

– Почему?

– Смотрите на доску. Видите, две его фигуры уже на стороне противника.

– И что?

– Он успел завоевать инициативу, а это крайне важно. И потом, он ходил первым, а это немалое преимущество.

– Вы бы поставили на него?

Антонов усмехнулся.

– Не спорю на деньги.

– Не азартны?

– Не богат.

– Ну а если бы были?

– Тогда поставил бы. Белые начинают и выигрывают. – Он подмигнул и уставился на доску, где как раз Цыплаков собирался походить конем, но почему-то медлил.

Самсонов почувствовал привычный зуд: у него появилось желание сделать ставку, и он даже невольно принялся подсчитывать оставшиеся в кошельке деньги. Но тут же одернул себя: еще не выплачен долг Полтавину, и вообще надо с этой манией завязывать, а то никакой зарплаты не хватит.

Чтобы избежать соблазна (да и время не резиновое, а впереди еще куча дел), Самсонов потихоньку начал пробираться к выходу, но там его остановила Францева.

– Старший лейтенант, мне пришла в голову блестящая мысль! – возбужденно проговорила она, когда они вышли из игровой комнаты в коридор. – Надо устроить спиритический сеанс!

– Что? – опешил полицейский.

– Сеанс. Спиритический. Понимаете? Вызовем дух Йорга или Бончовска и спросим, кто убийца. Они-то должны это знать.

– А почему не обоих?

– Это слишком большая нагрузка для медиума, – серьезно ответила Францева. – Хватит и одного.

– Вы не шутите?

– Не будьте скептиком. Вот увидите, все получится. Еще спасибо мне скажете.

Самсонов едва сдержал улыбку.

– И когда вы хотите провести... сеанс?

– В ближайшее время. Думаю, можно будет устроить все прямо в клубе. С Донниковым я договорюсь, он мне не откажет.

– И кто должен участвовать?

– Отберу из членов клуба восемь самых подходящих.

– По какому признаку?

– Высокий уровень энергии, вера в то, что духи существуют. Это главное.

Самсонову вдруг пришло в голову, что убийца наверняка захочет принять участие в этом сеансе. Его должно привести за круглый стол спирита по крайней мере любопытство.

– Знаете, а действительно может получиться, – сказал он Францевой. – Я поприсутствую.

– Отлично! – обрадовалась гадалка. – Я надеялась, что вы не один из тех скептиков, которые верят лишь в то, что могут потрогать или съесть!

В то, что можно съесть, Самсонов верил. Особенно теперь, когда был голоден.

Попрощавшись с астрологом, он направился в холл. Кроликова перебирала корреспонденцию.

– Скажите, Анна Юрьевна, – обратился к ней полицейский, – сколько стоит членство в вашем клубе?

Кроликова удивленно подняла брови:

– Хотите вступить? Играете в шахматы?

– Нет, просто любопытно. Наверное, немало, раз у вас такое ограниченное количество членов.

– Двадцать тысяч за полгода.

– Ничего себе! – присвистнул Самсонов. – Кажется, Бончовска был инструктором по фитнесу, а Йорг – курьером. Как они могли позволить себе такие траты?

– Понятия не имею. Я этим не интересовалась.

– А как они вносили плату? Сразу или в рассрочку?

– Сразу, как и все.

– Ясно. Спасибо.

– Обращайтесь, – улыбнулась Кроликова.

– До свидания, – Самсонов направился было к выходу, но остановился.

– Забыл спросить: а раньше вам присылали цветы? Я имею в виду сюда, в клуб.

– Один раз. Недели три назад, и тоже тюльпаны.

– И тоже пять?

– Кажется, да. Только красный цветок был всего один.

– Из той же фирмы?

– Вроде бы. А почему вы так этим интересуетесь?

– Прекрасные цветы. Хочу своей девушке заказать.

Кроликова расплылась в улыбке.

– Правильно. А то нынче молодые люди совсем разучились ухаживать.

– Вот, буду исправляться. Скажите, а была при букете какая-нибудь открытка или записка?

– Нет. Я спросила курьера, от кого цветы, но он ответил, что не знает. Клиент попросил доставить букет на ресепшен клуба. Ну и поскольку я на ресепшене единственная женщина... – Кроликова кокетливо улыбнулась.

– Конечно-конечно, – поторопился кивнуть Самсонов. – А с первым букетом тоже не было записки?

– Нет. Тогда тоже до ресепшена была заказана доставка.

– Кто-то вас интригует, – улыбнулся Самсонов.

– И не говорите! Главное, чтобы не слишком затягивал.

– Что ж, спасибо за помощь. Я оставляю вам свой номер на случай, если кто-нибудь вспомнит что-то важное и захочет со мной связаться?

– Конечно.

– Спасибо. – Самсонов написал на бумажке свой телефон, кивнул на прощание и направился к двери. – Возможно, я еще заеду, – бросил он перед тем, как выйти на улицу.

Уже в машине, найдя одну из своих любимых песен Роби Уильямса «Supreme», полицейский набрал номер Дремина.

– Слушай, узнай, какая зарплата была у Йорга и Бончовска, – сказал он, когда тот снял трубку. – И еще: квартиры, в которых они жили, принадлежали им? Если да, то как и когда были приобретены, если нет, то сколько они платили за сьем.

Отключившись, он мысленно подвел итог тому, что смог узнать в «Табии». Некто убивал членов клуба и отправлял после этого букет с количеством красных тюльпанов, соответствующим числу жертв. Как заметил Антонов, важно завоевать на доске преимущество, и неведомый шахматист уже взял у противника две фигуры – коня и ферзя. Что дальше? Очевидно, партия будет продолжена, но сколько всего намечено жертв? Неужели пять – как тюльпанов в букете? Однако на доске располагаются восемь фигур и восемь пешек. Пять – число странное.

Самсонов вытащил упаковку от цветов и еще раз взглянул на адрес поставщика. Надо съездить туда и попытаться выяснить, кто заказывал для «Табии» тюльпаны. Полицейский завел мотор и вывел «Олдсмобиль» на дорогу.

Кто бы ни играл в этой смертельной партии белыми, ему придется учесть, что теперь число его соперников увеличилось, потому что он, Самсонов, вступил в игру. И собирается выиграть во что бы то ни стало!

Глава 3

Слон, ладья и король

Цветочный магазин располагался в пятиэтажке на углу. Перед ним стояли два фургона с логотипами фирмы. В один из них грузили коробки и корзины с цветами. Водитель стоял рядом, держа в руках накладную и короткий карандаш. Он внимательно следил за тем, как его товарищи складывают товар в машину, и отмечал каждую новую корзину или коробку галочкой.

Самсонов поднялся по ступенькам и, толкнув стеклянную дверь, вошел.

В магазине было прохладно и пахло цветами. Они располагались повсюду: вдоль стен и на самих стенах, покрывали пол так, что казалось, растут прямо из него, ибо за бутонами и листьями нельзя было разглядеть ведра с водой.

Полицейский повернулся и едва не столкнулся с девушкой в форменной жилетке.

– Ой! – сказала она совершенно спокойно.

– Простите.

– Вам помочь?

– Да, хотелось бы. – Самсонов показал удостоверение. – Мне нужна информация о человеке, который заказывал у вас тюльпаны вот в эти числа, – он показал страницу блокнота с датами, когда на ресепшен «Табии» привозили букеты.

– Я должна посмотреть в компьютере, – без тени энтузиазма ответила девушка. – А вам зачем?

– Не могу рассказать.

Продавщица молча пожала плечами и, сев за стол, взялась за мышку. Минуты две она просматривала файлы, затем развернула монитор к полицейскому:

– Вот с этого телефона поступил звонок. Другой информации нет.

– Кто принимал заказ?

– Судя по датам, я.

– В обоих случаях?

– Угу. Это все, что вы хотели узнать? Мне работать надо.

– Голос был мужской или женский?

Девушка усмехнулась:

– Вы видите, сколько здесь было заказов? Думаете, я могу помнить, кто каким голосом...

– Но это же было совсем недавно. И всего один букет. А я вижу, что остальные заказывали большие партии. Оптом. В тот день было совсем мало таких заказов. А тюльпаны и вовсе никто больше не покупал.

Продавщица тяжело вздохнула.

– Ладно. Сейчас постараюсь вспомнить.

– Были звонки от женщин?

– Один или два. Но они заказывали не тюльпаны. Значит, голос был не женский.

– Уверены?

– Клясться не буду, но в целом... – девушка пожала плечами.

– Я запишу номер, с которого звонили, – сказал Самсонов, доставая ручку.

– Да ради бога.

Выйдя из магазина, старший лейтенант позвонил Дремину.

– Андрей, что там насчет номера, с которого Бончовска и Йоргу пришли эсэмэски со стихотворением? Удалось выяснить, чей он?

– К сожалению, нет, Валер. Номер был роздан во время рекламной акции компании сотовой связи. Чтобы его подключить, не надо заключать договор, достаточно положить на счет определенную сумму. Поэтому у компании нет никаких сведений об абоненте. Счет пополнялся через банкомат наличными. Так что и с этой стороны глухо.

– Напомни-ка мне телефонный номер.

Дремин продиктовал.

– Тот же самый абонент дважды заказывал цветы в шахматный клуб, – и Самсонов объяснил, о чем идет речь.

– Да он фантазер, этот наш убийца, – проговорил Дремин, когда старший лейтенант закончил. – Значит, каждый труп – это «красный тюльпан»? И осталось еще три?

– Похоже на то.

– Что дальше?

– Ты выяснил, на что жили убитые?

– Да. Зарплаты у них были скромные, оба работали по скользящему графику, имели много свободного времени. Тем не менее у обоих были куплены квартиры почти сразу после переезда в Россию. Платили в рассрочку, но исправно. И еще: я связался с банками, где Йорг и Бончовска открыли счета, так вот, у них были весьма приличные суммы, причем деньги поступали регулярно – дважды в месяц, иногда даже чаще. Приходили суммы от двадцати до шестидесяти тысяч. Примерно раз в месяц две трети суммы снимались.

– Сколько сейчас у них на счетах? – спросил Самсонов.

– У Йорга четыреста семьдесят тысяч, у Бончовска – шестьсот двадцать.

– Кто-нибудь имел доверенность на получение денег с их счетов?

– Да. Некий Лягушатников Владимир Анатольевич.

– И кто он такой?

– Тебе это понравится, – пообещал Дремин. – Лягушатникова хорошо знают наши коллеги в отделе по контролю за наркотой. Трудится дилером, в своих кругах известен под кличкой Фрог.

– Адрес есть?

– Есть, но только живет ли он там?

– Вот и узнаю.

– Записывай.

После Дремина Самсонов позвонил Коровину.

– Как там насчет операций на бедре? – с ходу приступил он к делу.

– В России никаких официальных операций ни Йорг, ни Бончовска не делали. Я связался с Полтавиным и спросил, нет ли на ранах следов предыдущих хирургических вмешательств. Ну там шрамов или...

– И как? – нетерпеливо перебил Самсонов. – Есть?

– Полтавин уверен, что нет. Говорит, это было бы сразу заметно. Разве что это была какая-то операция вроде лапароскопии.

– В смысле?

– Ну, когда разрез делается минимальным, и далее хирург орудует каким-нибудь шунтом. Хотя Полтавин сомневается.

– А какие операции делаются на бедре таким способом?

– В том-то и дело, что никакие. Только если нужно удалить лишнюю жидкость при воспалении бедренного сустава, но это намного выше того места, где вырезана кость. Так что я даже не представляю, зачем убийце понадобилось извлекать часть бедренной кости. Если только в качестве трофея.

– Может быть, – отозвался Самсонов. – Но почему именно часть бедренной кости?

– Ну да, проще было бы ухо отрезать, например, если уж на то пошло. Кстати, мне Полтавин еще сказал, что во время вскрытия обнаружился интересный факт: Йорг регулярно курил траву. И в одежде тоже обнаружили следы марихуаны, причем довольно высокого качества. Полтавин говорит, что отправил частицы в отдел по контролю за наркотиками, и там утверждают, что она, по всей вероятности, афганская. Просил тебе передать.

– Спасибо. Я тут выяснил, что Йорг и Бончовска были связаны с одним дилером. И написали на него доверенность на свои банковские счета.

– И что это значит?

– Что деньги у них были с этим дилером общие. А вернее, они были чьи-то.

– Они на кого-то работали?

– Именно.

– Занимались наркотрафиком?

– Я бы сказал, что иное объяснение пока придумать трудно.

– Так надо тряхнуть этого... Фрога.

– Этим я и собираюсь заняться.

– Помощь нужна? – оживился Коровин. – Я могу подскочить.

– Не надо. Что там насчет личностей убитых? Удалось что-нибудь выяснить?

– Пока нет. Ждем ответов на запросы из Болгарии и Молдавии. По России ничего выяснить не удалось. У обоих чистые трудовые книжки и никаких личных записей в квартирах.

– Поищите наркоту у Йорга и Бончовска дома, на работе и в машинах. Исходите из того, что могут быть тайники.

– Ладно, я отправлю кого-нибудь.

Следующий, кому позвонил Самсонов, был Рогожин.

– Чем порадуешь? – спросил старший лейтенант, когда они обменялись приветствиями.

– Ничем, Валер. Пока похожих убийств найти не удалось, но я проверил от силы десятую часть дел. И это только по России. А если наш убийца поработал за границей... – Рогожин не стал договаривать, и так было ясно: на то, чтобы отыскать убийство с таким же почерком, могут уйти недели, если не месяцы.

– Возьми кого-нибудь себе в помощь.

– Уже. Толку-то?

– Ладно, не отчаивайся.

– Пока что и не думал.

Отключившись, Самсонов сел на капот «Олдсмобилia», чтобы обдумать поступившую информацию. Получалось, что два эмигранта занимались наркотрафиком, но при этом на людях всячески старались создать впечатление, что знакомы лишь постольку-поскольку. Имели работу, служившую прикрытием. Были убиты с особой жестокостью человеком, вырезавшим у них часть бедренной кости. Для чего? И при чем здесь сказка Кэрролла?

Самсонов взглянул на цветочный магазин, из которого вышел. Ах да, он же забыл задать еще один вопрос, хоть и формальный. Полицейский взбежал по ступенькам и распахнул дверь. Продавщица обернулась к нему.

– Опять вы? Решили купить букет жене, что ли?

– Не совсем. Кому принадлежит магазин?

– Алиеву Рубену Викторовичу. Зачем вам?

– Адрес его есть? Или телефон?

– Нет. У директора, наверное, есть, но сейчас он отсутствует.

– Можете ему передать, чтобы он позвонил мне, когда появится?

– Давайте номер.

Самсонов записал свой номер на листке из блокнота и оставил продавщице.

– Только не забудьте, – добавил он на прощание.

Выйдя из магазина, Самсонов достал список членов шахматного клуба и пробежал глазами по той части, где были перечислены отсутствующие. Алиев Рубен Викторович стоял на втором месте.

Самсонов собирался поехать по адресу Лягушатникова, но тут раздался звонок с неизвестного номера.

– Алло! – голос был женский, знакомый. – Старший лейтенант Самсонов?

– Да, я слушаю.

– Это я, Кроликова! Из «Табии»!

– Здравствуйте, Анна Юрьевна. Что-нибудь случилось?

– Случилось, поэтому и звоню!

Самсонов насторожился.

– Рассказывайте.

– Десять минут назад в клуб пришла посылка. Небольшая коробка, а в ней – три шахматные фигурки и сопроводительная записка, где указывается, кому из членов клуба их раздать.

– И кому?

– Веретнову, Малинину и Цыплакову.

– Фигурки черные?

– Да, все три.

– А что за фигурки?

– Слон, ладья и король.

– Вы их уже раздали?

– Нет пока.

– Почему решили позвонить мне?

– На всякий случай. Странно все это.

– Вы правильно сделали, Анна Юрьевна. Ни к чему больше не прикасайтесь и другим не позволяйте. Я немедленно еду в клуб.

– Поняла! Жду вас!

Самсонов развернул машину и втопил педаль газа. Похоже, убийца решил начать какую-то игру, а это значило, что он может допустить ошибку, которая станет зацепкой и... А что «и»? – одернул себя Самсонов. Ведь и так, скорее всего, «тюльпаны» раздает один из членов шахматного клуба. Убийца рискует, но как вычислить его среди оставшихся тридцати человек? Он ведь не оставит отпечатки пальцев или что-нибудь в этом роде. Чем сильнее риск, тем аккуратнее он будет.

Размышляя таким образом, Самсонов доехал до «Табии». Завидев его на пороге, Кроликова предприняла попытку выпорхнуть ему навстречу из-за стойки, но, вовремя осознав ее неосуществимость, осталась на месте и лишь молитвенно протянула к полицейскому пухлые руки.

– Спокойно! – предупредил Самсонов, подходя. – Где посылка?

– Здесь, у меня! – Кроликова вытащила коробку из-под стойки. – Никому не показывала, только президенту.

– Он трогал что-нибудь?

– Нет, вы же не велели.

– А вы?

– Конечно. Мне же надо было ее открыть. Я ведь не знала...

– Нет-нет, вы ни в чем не виноваты, не беспокойтесь. Кто принес коробку?

– Какой-то парень. Я сначала удивилась, потому что посылки не разносят по адресам. Присылают уведомление, и тогда сам идешь на почту. Но потом увидела, что коробка обычная, и решила, что это кто-то из поставщиков прислал, а парень – курьер.

– Спросили его, кто дал ему посылку?

– Конечно. Он ответил, что какой-то мужчина попросил отнести сюда и заплатил ему за это.

– Вы пытались задержать курьера? Взяли у него телефон, спросили имя? Хоть что-нибудь?

Кроликова покачала головой.

– Нет, с какой стати?

Самсонов карандашом приоткрыл коробку и заглянул внутрь. Три пластмассовые фигурки лежали на дне, поверх записки. Старший лейтенант аккуратно извлек ее за самый кончик.

Отпечатанная на принтере инструкция предписывала вручить ладью Цыплакову, слона Веретнову, а короля – Малинину.

– Кто-нибудь из них есть сейчас в клубе? – поинтересовался Самсонов.

– Цыплаков и Малинин. Кажется, во второй игровой.

– Мне нужно с ними поговорить.

– Позвать?

– Хотелось бы наедине.

– Сегодня много народу. Освободить, как в прошлый раз, игровую не удастся.

– Тогда пригласите обоих. Я предложу им проехать со мной в управление.

– Цыплаков, наверное, не захочет прерывать игру, – неуверенно проговорила Кроликова.

– Он что, опять на деньги играет?

– Не знаю. Я спрошу.

Кроликова выбралась из-за стойки и поплыла в игровую комнату. Она отсутствовала минут пять, потом появилась с гордым выражением на лице. За ней шли двое мужчин. Цыплаков Самсонов уже видел в свое первое посещение – похожий на стареющую гончую шахматист нервно крутил головой. Его спутник, Малинин, был приземистым, коротко стриженным человеком с добродушной физиономией оптимиста. Он сразу направился к полицейскому, обогнав Кроликову.

– Вы из полиции?

– Да.

– Что случилось? Зачем мы вам?

– Я должен задать вам кое-какие вопросы.

– По поводу смерти Йорга?

– В том числе. Но есть и другие, новые обстоятельства, о которых лучше поговорить в управлении.

– Вы серьезно? – Малинин удивился, округлив карие глаза. – Хотите, чтоб мы ехали с вами? Сейчас? Я только час как пришел!

– Я решительно отказываюсь! – объявил Цыплаков, дернув головой. – У меня не доиграна партия! И что за самоуправство, в конце концов?!

– Я только предложил, – сказал Самсонов. – Не заставляю же я вас ехать со мной. Можем и тут поговорить, но лучше бы...

– Ладно, уговорили! – вдруг хлопнул в ладоши Малинин. – Едем! Отстреляемся и обратно.

– Я лично собираюсь доиграть партию, – упрямо заявил Цыплаков, доставая платок и нервными движениями промокивая шею, хотя она не казалась вспотевшей. Кондиционер, похоже, починили, в холле было не душно, и запах тухлятины выветрился.

– Да ладно тебе! – Малинин хлопнул по плечу Цыплакова так, что тот покачнулся. – Не создавай людям проблемы. Все равно ты уже не сможешь сосредоточиться. Я ж тебя знаю! Будешь сидеть и думать, о чем тебя хотели спросить. Доиграешь завтра. Все ходы записаны, так что...

– Но я, по крайней мере, должен предупредить своего соперника, – сдаваясь, проворчал Цыплаков.

– Давай, мы тебя ждем, – кивнул Малинин и подмигнул Самсонову.

Через пару минут все трое сидели в машине старшего лейтенанта. Посылка с шахматами стояла на сиденье рядом с водителем.

– Что стряслось-то? – поинтересовался Малинин, когда они отъехали от «Табии». – Почему вы именно нас выбрали? Мы с убитыми не очень-то общались. Другими, во всяком случае, точно не были.

Самсонов свернул налево и поехал вдоль тополиной аллеи. На скамейках сидели люди, они почти не двигались и выглядели, как декорация к какому-то декадентскому фильму. Черная земля тянулась вдоль дороги как пограничная полоса, и по ней медленно прогуливались с деловитым видом бродячие собаки.

– Вам пришла посылка, – ответил Самсонов. – Вам и еще одному члену клуба, Веретнову. Но его сегодня я не видел.

– Что за посылка? – быстро спросил Цыплаков.

– А вот эта, – полицейский ткнул пальцем в коробку. – В ней три шахматные фигурки, которые велено раздать вам троим. Что на это скажете?

Малинин и Цыплаков переглянулись.

– А что мы должны сказать? – спросил Цыплаков. – Я лично никаких шахмат не заказывал.

– Я тоже, – сказал Малинин. – А кто прислал-то?

– Неизвестно.

– Почему посылка у вас? – поинтересовался Цыплаков.

– Я думаю, ее прислал тот, кто убил Йорга и Бончовска. Они тоже в каком-то смысле получили свои фигурки.

– В каком таком смысле? – поинтересовался Малинин.

В зеркало заднего вида было видно, как он сверлит глазами затылок полицейского.

– Убийца оставил шахматы рядом с трупами.

– А нам прислал, значит?

– Подождите! – вмешался Цыплаков. – Вы что, хотите сказать, что мы – следующие жертвы? Это вроде предупреждения?

– Вам на телефон приходила эсэмэска с отрывком из стихотворения?

Цыплаков нахмурился.

– Что-то такое было. Я не обратил внимания: решил, что номером ошиблись. А что?

– Мне тоже приходило сообщение, – сказал Малинин, доставая мобильник. – Сейчас найду. Что-то про дитя.

– Да-да, – подхватил Цыплаков. – Точно! Я, правда, его сразу удалил.

– Вот это? – Малинин вытянул руку и показал телефон Самсонову.

Тот кивнул.

– Оно самое. Такие же пришли и Йоргу с Бончовска. Теперь вы понимаете, почему мы едем в управление?

– Не совсем, – сказал Малинин.

– Хотите нас защитить? – с надеждой спросил Цыплаков. – Но каким образом?

– Для начала неплохо бы выяснить, почему убийца выбрал именно вас.

– Откуда же нам знать?! – воскликнул Цыплаков, выхватывая из кармана платок и комкая его длинными пальцами. – Мы что, ясновидящие?

– Может, он решил перебить всех членов «Табии»? – неуверенно предположил Малинин. – Но тогда почему фигурки прислал только нам?

Самсонов достал мобильник и набрал номер Рогожина.

– Алло, это я, – сказал он, как только дождался ответа. – Разыщи и привези в управление Веретнова из клуба «Табия». Позвони туда и узнай его адрес. Это срочно.

– Так что, нас хотят убить? – спросил Малинин, когда Самсонов убрал телефон.

– Думаю, да. У вас есть враги?

Цыплаков нервно фыркнул.

– Откуда? Враги бывают только в кино!

– Ну, может, вы кому-нибудь насолили?

– Что, все пятеро? – резонно возразил Малинин. – Да мы даже не друзья. Мы общаемся-то в основном в клубе. Вы вон с Веретновым иногда ходите пиво попить, правда, – добавил он, повернувшись к Цыплакову.

Тот закатил глаза.

– И что? Мы теперь с ним друзья до гроба? Это было-то раза четыре от силы.

– Значит, ничего не приходит в голову? – спросил Самсонов, поглядывая на своих пассажиров в зеркало.

– Вот так с ходу – нет, – твердо ответил Малинин.

– Ничего не приходит, – кивнул Цыплаков. – Поверить не могу... вы должны рассказать нам все, слышите?! – в его голосе появились истеричные нотки. – Мы должны знать, что нас ждет. И принять меры! *Вы* должны принять меры, в конце концов!

– Мы постараемся, – спокойно отозвался Самсонов.

– Постараемся! – фыркнул Цыплаков и уставился в окно.

В управлении Самсонов прежде всего передал Малинина и Цыплакова коллегам для оформления, а сам заглянул в свой кабинет, чтобы спокойно поговорить по телефону. Он набрал номер Коровина.

– Алло, это я. Что там насчет обыска?

– Проводим. Звонили ребята, которых я отправил проверить рабочие места убитых и их автомобили. Поздравляю: в тачке Йорга нашли полкило марихуаны. Особо и не спрятана была, просто засунута под сиденье. В квартирах пока чисто, но мы недавно начали. Наши собираются пол поднимать.

– Я не думаю, что Йорг или Бончовска делали запасы. Но все равно пусть проверят.

– Я им так и сказал. Хуже не будет. Звонил, кстати, Полтавин. Сказал, что веревки, которыми связывали Йорга и Бончовска, отрезаны от одного конца. Но такие канаты продаются в строительных магазинах, так что вряд ли мы тут что-то найдем.

Едва Самсонов закончил разговор с Коровиным, как поступил звонок с незнакомого номера.

– Старший лейтенант Самсонов.

– Это Рубен Викторович Алиев. Мне передали, что вы хотели со мной поговорить.

Владелец цветочного магазина.

– Да. Не могли бы вы подъехать сейчас в управление. Это по поводу цветов, которые пересылали через вашу фирму.

– А что с ними?

– Не могу объяснить по телефону. Здесь уже ваши знакомые Малинин, Цыплаков и Веретнов, – приврал Самсонов, надеясь, что Рогожин доставит последнего в ближайшее время.

– А что они у вас делают?

– Вот и это тоже я бы предпочел объяснить при личной встрече.

Повисла непродолжительная пауза.

– Ну, хорошо.

– Запишите адрес.

Когда Самсонов появился в комнате для допросов, Малинин и Цыплаков пили растворимый кофе из пластиковых стаканчиков. Компанию им составлял Морозов. Он сидел напротив

них в кресле, посекудно шелкая крышкой карманной пепельницы. На его костистом лице при появлении Самсонова появилось выражение облегчения.

– Может, хоть вы нам, наконец, объясните, что от нас требуется? – раздраженно поинтересовался Цыплаков, отодвигая от себя стаканчик с кофе.

– Постараюсь, – Самсонов заглянул в коробку с шахматами. – Показать я вам ни записку, ни фигурки не могу, потому что их надо отправить на экспертизу. Но получается, что, по мнению убийцы, Бончовска – конь, Йорг – ферзь, вы, – обратился он к Цыплакову, – ладья, вы, – перевел он взгляд на Малинина, – король, а отсутствующий пока Веретнов – слон.

– При чем тут вообще шахматы? – спросил Малинин. Он казался довольно спокойным: должно быть, умел держать себя в руках.

– Этого мы не знаем.

Самсонов решил ничего не говорить про наркотики. А вот банковские счета этой троицы проверить не помешает. Если они похожи на счета Йорга и Бончовска, точка соприкосновения всех намеченных жертв станет ясна. Но как получить разрешение, ведь Малинин, Цыплаков и Веретнов не подозреваемые и до сих пор живы? А они вряд ли согласятся добровольно предоставить полиции доступ к своим банковским сведениям.

– У вас есть при себе документы? – спросил он.

– Есть, – Цыплаков вытащил и протянул паспорт. – Зачем вам?

– Так положено.

Малинин молча отдал свой паспорт.

– Я на секунду, – Самсонов выскользнул в коридор и направился этажом выше, где сидел признанный в управлении эксперт по липовым ксивам – готовящийся выйти на пенсию, но при этом всячески не желающий это признать полковник Михновец.

– Товарищ полковник! – Самсонов распахнул дверь кабинета после короткого стука. – Срочно нужна ваша помощь!

– Господи, что ты врываешься как при пожаре? – Михновец досадливо поморщился: он едва не выронил кусок домашнего пирога себе на колени. – Что там у тебя?

– Гляньте на эти документки, – Самсонов положил перед полковником паспорта. – Липа или как?

– Если подделка качественная, даже я тебе так сразу не скажу, – проворчал Михновец, кладя на стол пирог и ставя рядом кружку с цветочным чаем.

– Мне пока только так, на глаз.

Михновец взял паспорта и принялся разглядывать со всех сторон. На это у него ушло минуты три.

– Я бы сказал, что все в порядке, – произнес он наконец.

– Никаких сомнений?

– Ни малейших. Или подлинники, или гениальная и дорогушая липа.

Самсонов сгреб паспорта.

– Спасибо. С меня... цветочный чаек!

– Ага, дожدهшься от тебя! – беззлобно буркнул Михновец, принимаясь за пирог.

Вернувшись в комнату для допросов, Самсонов положил паспорта перед собой, не торопясь возвращать их владельцам.

– Расскажите о себе, – попросил он Малинина и Цыплакова. – О своем прошлом. Где родились, где учились, служили. Кем работали.

– Господи, да зачем вам это?! – закатил глаза Цыплаков. – Вы думаете, кто-то с детского сада затаил на меня обиду, а заодно решил разделаться с парой-тройкой моих знакомых по клубу?

– Может, и так, – спокойно ответил Самсонов.

– Бред! Зачем мы теряем тут время? Вы ведь понятия не имеете, как ловить убийцу и как нас защитить, верно?!

– Мы предложим вам троим охрану.

– Благодарю покорно! – Цыплаков откинулся на спинку стула. – Это, конечно, очень поможет!

– Почему нет?

– Они что, круглые сутки будут со мной?

– Конечно.

– И сколько времени они так проведут? День, два, неделю? А если убийца затаится и просто будет ждать, когда вам надоест меня охранять?

– Нас охранять, – поправил его Малинин. – Не тебе одному угрожают, вообще-то.

– Вы готовы рассказать о себе? – терпеливо спросил Самсонов, делая знак Морозову, чтобы тот приготовил диктофон.

– Ладно, только без деталей, – раздраженно кивнул Цыплаков. – Я не собираюсь писать вам тут свою биографию.

– Говорите, – Самсонов придвинул диктофон к нему поближе.

– Ну, родился я в Ленинграде, учился в школе, потом – в горном институте. Работал по специальности несколько лет.

– Кем именно?

– Инженер-горняк. Проектировал шахты для добычи угля. Затем открыл свою фирму. Строим частные дома. Коттеджи и все такое. Преимущественно под ключ.

– И сейчас строите?

– И сейчас строим.

– Дело хорошо идет?

– Не жалуюсь.

– Как обстоят дела с конкуренцией?

– Ничего особенного. Обычно новых клиентов рекомендуют бывшие, так что у каждого свой контингент.

– И никаких угроз не поступало?

Цыплаков отрицательно покачал головой.

– А вы? – обратился Самсонов к Малинину.

– Ну, я тоже родился в Ленинграде. После школы поступил в Лесгафта, стал профессионально заниматься биатлоном. После травмы колена работал тренером. И до сих пор им работаю. – Малинин развел руками. – Вот, собственно, и все.

– Вы раньше встречались при каких-либо обстоятельствах друг с другом, Веретновым, Йоргом или Бончовска?

Цыплаков и Малинин переглянулись.

– Мы познакомились только в «Табии», – ответил Малинин.

– То же самое, – кивнул Цыплаков.

Самсонов не верил им. Но какой смысл говорить об этом сейчас? Он выключил диктофон.

– Вам предоставят охрану.

– Мне не надо! – ворчливо дернул головой Цыплаков. – Обойдусь как-нибудь.

– Но почему?

– Не хочу все время чувствовать, что мне пялятся в спину.

– А если вам в нее выстрелят?

– Насколько мне известно, Йорга не застрелили.

– Да, с ним сделали кое-что похуже.

Цыплаков насутился:

– Я отказываюсь от охраны!

– Хорошо, – не стал настаивать Самсонов. – Как хотите. В конце концов, это ваше дело.

Он понимал, что если Цыплаков, как и те двое убитых, занимается наркотрафиком, постоянный полицейский надзор ему ни к чему.

– А вы что скажете? – перевел он взгляд на Малинина. – Тоже не хотите?

– Ну почему же? – отозвался тот, пожав плечами. – Мне моя жизнь пока еще дорога. Я очень даже «за» и прямо-таки настаиваю на охране.

– Отлично. В таком случае я вас больше не задерживаю. Юра, – обратился Самсонов к Морозову, – организуй двух людей для охраны.

– Сделаю, – кивнул тот.

– Можно нам наши паспорта? – протянул руку Цыплаков.

– Конечно.

Когда Малинин и Цыплаков ушли, Самсонов отдал запись допроса на проверку: нужно было выяснить, соответствуют ли действительности сведения, которые о себе сообщили потенциальные жертвы. Впрочем, что-то подсказывало старшему лейтенанту, что с прошлым этой парочки проблем не возникнет.

Минут через десять позвонил Коровин.

– Валер, есть новости. Полы все-таки не зря поднять решили: под паркетом в квартире Бончовска оказался тайник с липовыми паспортами. Два – российских на разные имена, один – украинский. Тот, по которому он жил последнее время, тоже, кстати, оказался подделкой. Как и паспорт Йорга.

– Удалось установить их настоящие личности?

– Нет. Прислали ответ на запросы из Болгарии и Молдавии: люди, которые указаны в паспортах убитых, действительно существовали. Но настоящие Йорг и Бончовска погибли. Один утонул семь лет назад, а другой застрелился, когда был под дозой. Это случилось девять лет назад. И нет никаких сомнений, что оба они действительно умерли. Так что наши «тюльпаны» просто воспользовались их именами, чтобы сделать себе липовые паспорта.

– Отпечатки пальцев?

– Ничего. Оба словно никогда не существовали до тех пор, пока не появились в качестве Йорга и...

– Понятно, – нетерпеливо перебил Самсонов. – Ну а другие фальшивые паспорта Бончовска вы проверили? Может, за ними что-то тянется.

– Валер, их только что нашли.

– Проверяйте.

– Ребята сказали, они выглядят так, словно ими не пользовались. Думаю, он держал их на будущее.

– Все равно займись ими.

– Ладно.

– Кто выясняет, не было ли закупок оборудования для бальзамирования?

– Кажется, Дремин собирался.

В кабинет заглянул Рогожин.

– Привез Веретнова, – шепнул он. – Куда его, сюда?

– Давай.

Самсонов быстро попрощался с Коровиным и поставил в диктофон новую кассету.

Веретнов оказался крупным мужчиной лет сорока пяти, с круглой лысой головой и атаманскими усами, опущенными книзу. На коротком носу у него сидели круглые «профессорские» очки в тонкой золотой оправе.

– Вы главный? – спросил он, садясь напротив Самсонова и тяжело отдуваясь, хотя уставшим или запыхавшимся не выглядел.

– Я руковожу расследованием, – ответил полицейский. – Старший лейтенант Самсонов.
– В чем дело? Зачем меня сюда привезли? Я даже не был толком знаком ни с Йоргом, ни с этим... вторым.

– Но вы видели их в клубе?

– Видел, конечно.

– Разговаривали?

– Здоровались иногда.

– Играли с ними?

– Ни разу.

– Почему?

Веретнов презрительно скривился.

– Не мой уровень.

– Они плохо играли?

– Они играли средне. А я – мастер спорта.

– С кем же вы играли?

– С Алиевым, Тарасовым, Цыплаковым, Уваровым, Бергманом, Малининым.

– Все?

– Все.

– Они тоже мастера спорта?

– Нет, только Уваров и Бергман.

– Но остальные достаточно хороши, чтобы...

– Быть достойными противниками, да, – нетерпеливо перебил Веретнов. – Вы для этого меня сюда привезли? Чтобы обсудить моих партнеров по шахматам?

– Нет, конечно.

– Тогда давайте к делу.

– Можно посмотреть ваш паспорт?

Веретнов полез во внутренний карман вельветового пиджака песочного цвета.

– Держите, – он протянул Самсонову паспорт в кожаной обложке.

– Расскажите о себе, – попросил старший лейтенант, рассматривая страницы документа.

Он мог определить грубую подделку, но то, что он держал в руках, конечно, таковой не являлось. И почему-то Самсонов был уверен, что этот паспорт, так же как паспорта Малинина и Цыплакова, – подлинник. У этих людей было легко проверяемое прошлое, и они спокойно говорили о нем.

– Что именно вас интересует? – уточнил Веретнов.

– Все. Где родились, где учились. Где служили. Кем работали и работаете сейчас.

Веретнов тяжело вздохнул. На его лице появилась досада.

– Какое отношение это имеет к убийствам?

Самсонов положил локти на стол и чуть подался вперед. Он привык, что люди не любят сразу отвечать на вопросы полицейских, словно постоянно ждут какого-то подвоха. Когда-то его это раздражало, но он давно смирился с этой особенностью человеческой натуры.

– Сегодня в шахматный клуб пришла посылка, – начал он. Рассказ занял минут пять, не больше, но Веретнов слушал очень внимательно, не перебивая.

– Значит, вы думаете, что у нас пятерых есть что-то общее? – спросил он, когда полицейский закончил.

«Да, наркотики», – подумал Самсонов. Но вслух сказал:

– Это было бы логично.

– Того, что мы все состоим в одном клубе, не достаточно?

– Но почему убийца выбрал именно вас пятерых?

– Вот вы и выясняйте, – пожал плечами Веретнов.

– Пытаемся. Не хотите нам помочь? Ваша ведь жизнь на кону.

– На кону? Это вам не игры.

– Согласен.

– Ладно. – Веретнов провел ладонью по усам. – Что вы там хотели знать? Где я родился?

– В том числе, – Самсонов включил диктофон.

– В Пскове. Родители переехали в Ленинград, когда мне было лет восемь. После школы пошел в военное училище, затем – в армию и дослужился до старшего лейтенанта. Потом уволился в запас и с тех пор держу магазин на Васильевском острове. Торгую автомобильными запчастями.

– Конкуренты не достают?

– Нет. И угрозы тоже никто не присылал.

– Воевали где-нибудь?

– А Чечне десять месяцев. Потом был ранен.

– Куда? – насторожился Самсонов: не в бедро ли?

– В плечо. Вот сюда, – Веретнов ткнул пальцем в рукав пиджака.

– А какие войска?

– ВДВ.

– У вас были операции на бедре? – выпалил вдруг Самсонов.

Веретнов удивленно приподнял брови.

– Нет. Бог миловал. Почему вы спрашиваете?

О том, что убийца вырезал часть кости, нигде не сообщалось.

– Так просто.

Веретнов прищурился.

– Темните? Тайны следствия?

– Что-то в этом роде.

– Ладно, дело ваше.

Самсонов протянул Веретнову его паспорт.

– Я предлагаю вам охрану. Наши люди будут сопровождать вас, пока...

– Нет, спасибо. Обойдусь.

– Уверены?

– Кто предупрежден, тот вооружен, как говорится. Буду просто осторожен.

– А вы вооружены?

Веретнов натянуто улыбнулся.

– Нет. Но постоять за себя сумею.

– Что ж, как хотите. Вы свободны.

Когда Веретнов ушел, Самсонов приказал Коровину установить скрытую слежку за ним и Цыплаковым. Надо за ними все же приглядывать. Может, удастся взять убийцу на живца.

В комнату для допросов вошел Рогожин, выходявший выпить кофе и съесть бутерброд. Вид у сержанта был сонный.

– Ну как, нашел совпадения? – спросил Самсонов. – Совершались похожие убийства раньше?

Рогожин широко зевнул.

– Пока похвастать нечем.

– Влад, я ж тебе предложил взять помощников.

– Нас и так трое уже. Одного, правда, у меня Андрюха отжал.

– Дремин?

– Ага. Ему, видите ли, закупки бальзамирующих приборов проверять надо.

– Ладно, девочки, не ссорьтесь. Это тоже дело нужное.

В дверь постучали, и вошел один из оперов «Серийного отдела».

- Валер, там мужик приехал, Алиев. Говорит, ты его ждешь.
- Зови сюда.
- Кто это? – поинтересовался Рогожин.
- Владелец цветочного магазина, через который убийца присылал в «Табию» цветы.
- И зачем тебе этот Алиев?
- Он тоже член клуба.

Рогожин скептически цокнул языком:

- Ну, будь он убийцей, не стал бы он собственный магазин использовать.
- Наверное, нет. Но повидаться я с ним хочу.

Дверь открылась, и вошел грузный лысоватый мужчина в тесном синем костюме. Золотистый галстук слегка съехал набок, воротничок рубашки торчал из-под лацкана.

– Рубен Викторович? – Самсонов окинул нескладную фигуру взглядом, отметив дорогие туфли крокодиловой кожи и золотые часы, видневшиеся из-под манжеты.

– Он самый! – Алиев тяжело плюхнулся на стул и перевел дыхание. – Что вы там хотели? Какие проблемы с посылками моей фирмы? И при чем тут смерти Йорга и этого... как его?

– Бончовска, – подсказал Самсонов.

– Да-да! – безразлично махнул рукой Алиев.

– Судя по всему, убийца воспользовался услугами вашего магазина, чтобы прислать в «Табию» два букета тюльпанов. Заказ он сделал с незарегистрированного номера.

– И что? При чем тут какие-то тюльпаны?

Самсонов объяснил. Когда он закончил, Алиев сидел красный от злости.

– То есть он пытался меня подставить, что ли? – прошипел он, вытирая со щек катившийся градом пот. – Типа это я послал букеты. И тех двоих убил?

– Ну, вряд ли он всерьез рассчитывал, что мы обвиним вас, – ответил Самсонов. – Кто же станет для этого использовать собственную фирму, если он виновен?

– Вот-вот! – затряс головой Алиев. – Именно! Что я, идиот?! Так вы на меня не думаете? – добавил он, подозрительно глядя на полицейского.

– Конечно, мы должны всех проверять, но, честно говоря, не думаю.

Алиев кивнул.

– Проверяйте! – сказал он, махнув рукой. – Только потеряете время. Нет, но каков нахал! – Он снова обтер лицо ладонью, потом вспомнил, что у него есть платок, и полез за ним во внутренний карман пиджака. – Зачем на меня наводить тень? Что, других цветочных магазинов нет, что ли?

– Вероятно, убийце важно, чтобы расследование сосредоточилось на «Табии» и его членах, – предположил Самсонов.

– А зачем ему это надо?

– Может, он хочет, чтобы его поймали.

Алиев скептически фыркнул:

– Я вас умоляю! Это только в кино бывает.

– Может быть, у кого-нибудь из членов клуба к вам личная неприязнь?

– Что? – Алиев поморгал маслянистыми глазами навывкате. – Хотите сказать, убийца – один из нас?

– Это вполне вероятно. Только прошу держать это в тайне, – добавил Самсонов, понизив голос.

– Да-да! – Алиев быстро кивнул. – Но... я ни с кем не ссорился. Было, конечно, пару раз: схватился с Куропаткиным из-за того, какую защиту лучше использовать, но это же так... ерунда. Разве из-за такого убивают? Да и при чем тут Йорг и этот... второй.

– Из-за чего только не убивают, – отозвался Самсонов. – Вы бы поразились. Но Йорг и Бончовска, вроде, действительно к вашей ссоре отношения не имеют.

– Чего же вы от меня хотите?

Самсонов чуть подался вперед.

– Вообще-то, – проговорил он, снова понизив голос, – мне нужно, чтобы вы были готовы к тому, что убийца может прислать еще один букет.

– То есть прикончит еще кого-то?

– Ну, всякое может случиться. Мы ведь не всесильны.

– Значит, засада?

– Не совсем. Но к звонку человека, который закажет букет тюльпанов с тремя красными цветками, нужно будет отнестись со всем вниманием. Желательно его записать на пленку.

– Это можно устроить. Я установлю оборудование и поговорю с персоналом.

– Только не объясняйте никому настоящих причин этой инициативы.

– Понимаю, – кивнул Алиев. – Конечно. Я всегда рад помочь следствию и все такое.

– Вот и отлично, – Самсонов улыбнулся. – Значит, договорились. Прошу заняться этим немедленно. Если понадобится помощь с оборудованием, звоните сразу.

Алиев тяжело поднялся, машинально поправил галстук, заправил воротничок под лацкан.

– Ничего, справимся. Я этого гада!.. – он сжал в кулаке платок.

– Буду ждать от вас сигнала, как только он позвонит, – сказал Самсонов. – Впрочем, будем надеяться, что до этого не дойдет.

Алиев вышел, бормоча себе под нос проклятия.

– А что с коробкой от посылки с шахматами? – спросил Рогожин, когда дверь захлопнулась. – Ее по почте отправили?

Самсонов покачал головой.

– Если бы. Нет, убийца просто заплатил какому-то парню, чтобы тот занес ее в клуб. На упаковке нет никаких маркировок. Коробка просто обернута бумагой и заклеена скотчем. Адрес напечатан на принтере, вырезан и наклеен. Так что одна надежда на Полтавина, но я думаю, убийца был очень аккуратен и не оставил следов.

– Как думаешь, почему убийца наводит нас на «Табиию»? Это ведь не в его интересах. И все эти штучки: цветы, шахматы – к чему?

Самсонов пожал плечами.

– Может, для него это важно. И поскольку жертвы явно имели общие дела – да и та троица, что тут комедию ломала, наверняка связана, – я предполагаю наличие некоего события в их общем прошлом, которое спровоцировало убийцу.

– Почему он выбрал шахматы? – задумчиво проговорил Рогожин. – И если это один из членов клуба... он ведь здорово рискует.

– На самом деле, не очень, – возразил Самсонов. – Мы ведь не можем круглосуточно следить за всеми членами «Табиии».

– Я тут подумал: а не могут Веретнов, Цыплаков и Малинин знать того, кто собирается их прикончить? Если действительно в их общем с Йоргом и Бончовска прошлом было нечто, превратившее кого-то в убийцу, то этот кто-то, вероятно, был частью этого события.

– Я думал об этом, – кивнул Самсонов. – Но это не обязательно. Они вполне могут каждый день играть в шахматы со своим врагом и не знать этого.

Старший лейтенант встал из-за стола.

– Ты куда? – спросил Рогожин.

– Мне надо найти дилера. Хочу перекинуться с ним парой слов по поводу его дел с убитыми. И о банковских счетах, на которые у него имелась доверенность.

– Поехать с тобой?

– Нет, лучше помоги ребятам проверить биографии Веретнова, Цыплакова и Малинина. Они кое-что рассказали о себе, но я хочу знать, о чем они умолчали.

- Уверен, что я тебе не нужен?
 - Конечно. Этот Фрог – просто пешка.
 - Ладно. Но если что, я на связи. Не играй в героя.
- Самсонов усмехнулся.

– Не собирался. Просто поболтаю с этим парнем и, может, он расставит все точки над «и» в этой истории.

- Хорошо бы.
 - Думаю, через пару часов вернусь. Надеюсь, вы меня чем-нибудь порадуете.
- На этот раз усмехнулся опер:
- Надейся, Валер. Надейся.

Через пять минут Самсонов вывел свой «Олдсмобиль» на дорогу. Нужно было повидать дилера по кличке Фрог и выяснить, какие у него были дела с убитыми. И с теми, кому, по замыслу неведомого убийцы, лишь предстояло умереть.

* * *

Сарко рассматривал детскую энциклопедию динозавров. Разворот занимало изображение гигантского доисторического крокодила – саркозуха. Жуткий хищник на иллюстрации выпрыгивал из воды, чтобы схватить поперек панциря доисторическую черепаху. Затем он раскалывал панцирь зубами и пожирал плоть. Также питался рыбой и травоядными динозаврами, если те попадались ему на берегу. Саркозух обитал на территории современной Африки в начале мелового периода и был приблизительно вдвое больше современных крокодилов. Все это Сарко помнил наизусть, потому что Принцесса каждый раз, когда они листали энциклопедию, заставляла его читать сопроводительную статью. Она говорила, что он напоминает ей этого жуткого хищника. «Почему?» – спрашивал он с улыбкой, а она серьезно объясняла, что ей так кажется, но почему, она не знает.

Так и появилось это прозвище, которое затем стало его именем – Сарко, сокращение от саркозуха. Принцесса называла его так, и он тоже стал представляться кличкой, тем более что ему нужно было чем-то заменить настоящее имя.

Сарко понимал, что действительно похож на крокодила. Он так же ждал в засаде, пока жертва не потеряет бдительность, а затем стремительно бросался на нее и утаскивал под какую-нибудь корягу. Там она подгнивала, а затем он возвращался и пожирал ее. Это был его метод. Хитрость крокодила. Терпение, расчетливость и стремительность саркозуха.

Сарко закрыл энциклопедию и, сложив ладони кончиками пальцев друг к другу, задумался о полицейском, который приходил в «Табию». Старший лейтенант тоже был хищником, но совсем другого типа. Этот преследовал жертву, загонял ее, а затем впивался в горло и душил, пока та не задохнется и не потеряет сознание. Он был волком. И он ненавидел Сарко, хотя и не знал, кто он такой и почему убивает. Просто этот полицейский слишком лично воспринимал свою работу, он не был равнодушен. Сарко считал подобное слабостью, но, возможно, этому следователю именно ненависть придавала силы.

Насколько близко он подобрался? Сарко откинулся на спинку кресла и постарался максимально расслабиться. Он не признавал сопутствующих потерь. Все его операции были чистыми. Наступит ли момент, когда полицейский станет реальной угрозой и превратится из потенциальной помехи в объект, требующий устранения?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.